

И. Н. ЧЕМПАЛОВ

**ПОЛИТИКА ВЕЛИКИХ ДЕРЖАВ НА БАЛКАНАХ
В ПЕРИОД ПРЕДВОЕННОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО КРИЗИСА
В ЕВРОПЕ (март — август 1939 г.)**

Обострение противоречий между двумя группировками империалистических держав привело весной 1939 г. к возникновению предвоенного политического кризиса в Европе, который продолжался с середины марта до конца августа. В развитии предвоенного политического кризиса можно отметить три этапа: первый охватывает события с 15 марта до 23 июня; второй — с 24 июня до 23 августа и третий — с 24 до 31 августа.

Политика великих держав на Балканах на первом этапе освещена нами ранее¹, в данной статье основное внимание уделяется политике великих держав на Балканах на втором и третьем этапах.

I

После оккупации Чехословакии немецко-фашистскими войсками верховное командование вермахта (ОКВ) развернуло подготовку к нападению на Польшу. Одновременно с этим гитлеровская Германия усилила нажим на страны Юго-Восточной Европы. С марта по июнь 1939 г. усилия гитлеровцев были направлены на то, чтобы прервать политические и экономические связи стран Юго-Восточной Европы с западными империалистическими соперниками Германии, вовлечь их в состав блока фашистских агрессоров и, вместе с тем, включить их в состав германского «лебенсраума», т. е. превратить в полуколонии германского империализма. С этой целью германское правительство потребовало от Болгарии, Венгрии и стран Балканской Антанты присоединения к антикоминтерновскому пакту, выхода из Лиги наций и заклю-

¹ И. Н. Чемпалов. Итало-германские переговоры о военном сотрудничестве и разграничении сфер влияния в Юго-Восточной Европе и Средиземноморском бассейне (март — июнь 1939 г.) — В сб.: Балканы и Ближний Восток в новейшее время, вып. 2. Свердловск, 1973; Он же. Предоставление англо-французских гарантий Польше, Румынии, Греции и Турции. В сб.: — Балканы и Ближний Восток в новейшее время, вып. 4. Свердловск, 1975.

чения с Германией долгосрочных экономических соглашений. Однако гитлеровцам не удалось пока осуществить своих замыслов, только правительства Венгрии, Румынии и Болгарии согласились удовлетворить часть германских требований, остальные страны Юго-Восточной Европы под различными предлогами отклонили их.

Еще в феврале 1939 г. правительство хортистской Венгрии присоединилось к антикоминтерновскому пакту, но воздержалось от заключения с Германией долгосрочного экономического соглашения. К тому же весной и летом 1939 г. правительство Венгрии ориентировалось главным образом на Рим.

Правительство Болгарии уклонилось от присоединения к антикоминтерновскому пакту и заключения с Германией долгосрочного экономического соглашения, оно ограничилось подписанием 21 апреля 1939 г. секретного соглашения, по которому Германия обещала Болгарии поставить в кредит чехословацкое оружие на сумму 45 млн. марок, со своей стороны болгарское правительство обязалось придерживаться политики строгого нейтралитета. Эта часть соглашения являлась политической уступкой гитлеровской Германии, которая была сделана монархо-фашистским правительством Болгарии через неделю после предоставления Румынии и Греции англо-французских гарантий и через несколько дней после того, как начались англо-франко-советские переговоры.

— 23 марта 1939 г. между Германией и Румынией было заключено соглашение об экономическом сотрудничестве сроком на пять лет. Румыния должна была приспособить свою экономику к удовлетворению потребностей Германии в нефти и других видах стратегического сырья. Для разведки, добычи и переработки нефти, боксита, марганца и другого минерального сырья намечалось создать смешанные германо-румынские компании. Германия обязалась поставить Румынии машины и оборудование для нефтяной промышленности, коммуникаций и транспортной системы, передать румынской армии материалов на 200—250 млн. марок².

Гитлеровцы рассматривали германо-румынское экономическое соглашение в качестве первого шага к превращению всей Юго-Восточной Европы в полуколонию германского империализма. В докладе Герингу глава германской делегации Вольфат писал: «Соглашение с Румынией явится решающим шагом вперед в осуществлении германской экономической политики в Юго-Восточной Европе... Доля Юго-Восточной Европы в германской внешней торговле увеличилась примерно с 9% в 1933 г. до 13% в 1938 г., в дальнейшем в течение ряда лет может быть увеличена до 25%... Германские позиции в конфликте с экономическими интересами Британской империи и Северной Америки будут усилены. Политическое развитие национальных государств Юго-Восточной Европы во все усиливающейся степени будет следовать герман-

---

² DGFP, ser. D, vol. 6, № 78, p. 91—96.

скому образцу, в то время как влияние западноевропейских демократий и Советского Союза будет устранено»³.

Германские монополии нацелились прежде всего на захват той части нефтяной промышленности Румынии, которая принадлежала румынскому государству и румынскому частному капиталу. 20 июня 1939 г. между Германией и Румынией было достигнуто соглашение об объединении румынской нефтяной компании «Societatea pentru Comerțul Petrolului» (SOCOP) с германской нефтяной компанией «Мирафор». Но основные позиции в нефтяной промышленности Румынии находились под контролем нефтяных монополий западных стран. В 1939 г. на долю пяти иностранных нефтяных компаний, представлявших англо-голландский, франко-бельгийский и американский капитал, приходилось 67% добычи, 71% переработки и 70,74% экспорта румынской нефти⁴. В апреле 1939 г. член правления концерна «И. Г. Фарбениндустри» Карл Краух, возглавлявший в ведомстве «четырёхлетнего плана» отдел сырья и синтетических материалов, представил главе этого ведомства Г. Герингу доклад, в котором рекомендовал обеспечить снабжение Германии из Юго-Восточной Европы «средствами вермахта»⁵, т. е. путем оккупации Румынии немецкими войсками.

Гитлеровцы намеревались путем беспощадного уничтожения Польши «продемонстрировать государствам Востока и Юго-Востока, что значит в нынешних условиях оказывать сопротивление немецкой воле...»⁶.

В Берлине рассчитывали на то, что Англия и Франция бросят Польшу на произвол судьбы⁷, но полной уверенности в этом не было, гитлеровцы опасались также, и не без оснований, что в случае возникновения германо-польского конфликта СССР может помочь Польше⁸. Для того чтобы связать руки западных держав и Советского Союза, германское правительство обратилось весной 1939 г. в Рим и Токио с предложением превратить антикоминтерновский пакт в тройственный военно-политический союз между Германией, Италией и Японией. Правительства Италии и Японии согласились обсудить германское предложение, но во время переговоров между тремя фашистскими агрессорами возникли разногласия относительно направления агрессии, форм и методов военно-политического и экономического сотрудничества и, особенно, из-за разграничения сфер влияния.

Прежде чем дать согласие на заключение предложенного Берлином военно-политического союза, правительство Муссолини выдвинуло требование о включении Балкан в итальянскую сферу

---

³ DGFP, vol. 5, № 306, p. 407.

⁴ «Внешняя торговля», 1940, № 12, стр. 9.

⁵ Нюрнбергский процесс. Сб. материалов. В 3 т. Т. I. М., 1965, стр. 148.

⁶ СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны. Документы и материалы. М., 1971, № 333, стр. 455.

⁷ Там же, № 276, стр. 378; № 333, стр. 455.

⁸ Там же, № 285, стр. 389; № 308, стр. 415.

влияния. На состоявшейся 6—7 мая 1939 г. встрече в Милане Риббентроп договорился с Чиано о включении Балканского полуострова в итальянскую сферу. Италия претендовала также на заключение тесного союза с Венгрией и Испанией ⁹.

Исключительно важное место в агрессивных планах держав «оси Берлин—Рим» отводилось Турции. Правительство Муссолини намеревалось после осуществления своих захватнических планов на Балканах вплотную заняться Турцией, но у гитлеровцев имелись свои планы в отношении этой страны.

20 мая 1939 г. Папен представил Гитлеру и Риббентропу меморандум, в котором были изложены его предложения о политике держав оси на Балканах, Ближнем Востоке и в восточной части Средиземного моря, с этим меморандумом были ознакомлены начальник штаба ОКВ генерал Кейтель и главнокомандующий сухопутными силами генерал Браухич. В меморандуме говорилось, что Англию нельзя победить на Британских островах, но державы оси могут разбить английские силы в Египте и на Ближнем Востоке, итальянский флот должен изгнать англичан из восточной части Средиземного моря. Все это позволило бы овладеть мостом, ведущим через Сирию—Палестину—Мосул в Индию, но если Турция будет на стороне западных держав, то англичане могут предотвратить продвижение держав оси с помощью своих сил, сосредоточенных южнее Турции. Поэтому нужно принять все меры к тому, чтобы, по крайней мере, обеспечить пока нейтралитет Турции. С этой целью Папен предлагал уговорить Муссолини временно сократить численность итальянских войск в Албании и даже уступить Турции один-два небольших острова из Додеканезского архипелага, в дальнейшем державы оси должны были подготовиться к захвату Салоник с тем, чтобы закрыть доступ англичанам в Черное море, отрезать Советский Союз от Средиземного моря и воспрепятствовать превращению Греции в английскую базу ¹⁰.

В Риме намеревались использовать заключение военно-политического союза с Германией для давления на западные державы, там рассчитывали на «средиземноморский Мюнхен» ¹¹.

Еще более серьезные трудности возникли в ходе германо-японских переговоров. Японское правительство уведомило правительства Германии и Италии о том, что оно согласно подписать пакт, направленный против СССР, но не считает возможным заключить пакт, направленный одновременно также против Англии, Франции и США ¹². В Токио также рассчитывали на заключение

⁹ DGFP, vol. 6, № 341, p. 450—451.

¹⁰ *Ibid.*, № 413, p. 544—546.

¹¹ 26 апреля 1938 г. Чиано доложил Муссолини, что ни Франция, ни Англия не проявляют склонности идти на серьезные уступки Италии. В ответ на это сообщение Муссолини сказал: «Во всяком случае я не имею намерения начинать переговоры с Францией до тех пор, пока не будет подписан договор с Германией». — См.: The Ciano Diaries 1939—1943. Ld., 1947, p. 32.

¹² СССР в борьбе за мир..., стр. 667.

с западными державами «дальневосточного Мюнхена». 15 мая 1939 г. Риббентроп сообщил в Токио, что поскольку германо-японские переговоры приобретают затяжной характер, германское правительство решило вначале заключить военный союз с Италией, направленный своим острием против Англии и Франции, Япония может присоединиться к нему. Риббентроп предложил японскому правительству тайно парафировать проект тройственного военно-политического союза между Германией, Италией и Японией одновременно с заключением союза между Германией и Италией¹³. Устранить разногласия так и не удалось. В июне 1939 г. правительство Японии отклонило предложение о заключении военного союза с Германией и Италией, направленного против западных держав: оно продолжало настаивать на том, чтобы после заключения тройственного военного союза Германия, Италия и Япония действовали в духе «антикоминтерновского пакта»¹⁴. В середине мая 1939 г. японская военщина спровоцировала крупный вооруженный конфликт на р. Халхин-Гол, который превратился летом 1939 г. в опасный очаг войны на Дальнем Востоке.

22 мая 1939 г. между Германией и Италией был заключен «Пакт о дружбе и союзе», который в пропагандистских целях был назван «стальным пактом». В преамбуле пакта указывалось, что Германия и Италия полны решимости совместными силами обеспечить себе «жизненное пространство». Согласно статье 1-й обе стороны обязались поддерживать друг с другом постоянный контакт для обсуждения всех вопросов, представляющих взаимный интерес, в том числе общеевропейскую ситуацию. В статье 2-й говорилось, что, если возникнет угроза извне безопасности или другим жизненным интересам одного из союзников, то другая сторона должна оказать ему политическую и дипломатическую поддержку. Статья 3-я обязывала союзников оказывать друг другу помощь и поддержку всеми вооруженными силами на суше, море и в воздухе, если один из них окажется втянутым в войну с одной или несколькими державами. В статье 4-й предусматривалось углубление военного и экономического сотрудничества между Германией и Италией, для обсуждения и согласованного решения военно-политических и военно-экономических вопросов создавались военно-политические и военно-экономические комиссии, которые должны были действовать под руководством министров иностранных дел Германии и Италии¹⁵.

Заключение «договора о дружбе и союзе» между Германией и Италией привело к существенным изменениям в международной обстановке. С осени 1936 г. до весны 1939 г. формирование блока фашистских агрессоров прикрывалось «антикоминтерновским пактом», теперь этот камуфляж был отброшен. Военно-политический

¹³ Там же, № 296, стр. 401; № 302, стр. 407—408.

¹⁴ Там же, № 320, стр. 437; № 463, стр. 583.

¹⁵ DGFP, vol. 6, № 426, p. 562—563.

союз между Германией и Италией имел открыто наступательный характер, он мог быть использован как против СССР, так и против западных держав. Другое качественное изменение заключалось в том, что со времени создания «оси Берлин — Рим» в октябре 1936 г. и до весны 1939 г. обе державы оси придерживались «параллельной политики», при заключении военно-политического союза правительства Германии и Италии договорились проводить в дальнейшем совместную, согласованную политику. Однако до заключения военного союза переговоры о военно-политическом сотрудничестве и разграничении сфер влияния между Германией и Италией не были завершены.

По замыслам гитлеровцев вермахт должен был в течение нескольких недель сокрушить Польшу, затем нанести удар по западным державам. Одновременно с этим была бы предreshена судьба Италии, ей предназначалось играть в гитлеровском «новом порядке» в Европе весьма скромную роль¹⁶. После завершения кампании на Западе должно было последовать «великое столкновение Германии с Россией», в результате которого гитлеровцы рассчитывали окончательно обеспечить «удовлетворение Германии в жизненном пространстве и сырье»¹⁷.

На следующий день после заключения «стального пакта» Гитлер созвал совещание руководителей вермахта, на котором заявил, что необходимо предпринять нападение на Польшу при первой благоприятной возможности, при этом необходимо предварительно изолировать Польшу. Если не удастся предотвратить вмешательство западных держав в германо-польский конфликт, тогда придется вести борьбу в первую очередь против Франции и Англии. Гитлер подчеркнул, что секретность является залогом успеха. «Наши цели, — сказал он, — необходимо держать в секрете как от Италии, так и от Японии»¹⁸. Намерение гитлеровцев обойти итальянского союзника не составляло тайны для руководителей фашистской Италии¹⁹.

После заключения «стального пакта» переговоры об условиях сотрудничества и разграничения сфер влияния между Германией и Италией были продолжены. С 24 по 26 мая статс-секретарь министерства авиации Германии генерал Мильх посетил Рим, где договорился с заместителем министра авиации Италии генералом Валле о распределении зон операций германской и итальянской авиации над территорией Франции и размещении германских авиасоединений на территории Италии и итальянских авиасоединений на территории Германии²⁰.

¹⁶ СССР в борьбе за мир..., № 276, стр. 378.

¹⁷ Там же.

¹⁸ DGFP, vol. 6, № 433, p. 576—580.

¹⁹ Через два дня после подписания пакта о союзе между Германией и Италией Чиапо записал в своем дневнике: «Мне ясно, что пакт нравится Германии больше, чем Италии». — См.: The Ciano Diaries, p. 86.

²⁰ DGFP, vol. 6, App. 1, № 9, p. 1117—1119.

Одновременно в Берлине состоялся обмен мнениями о военно-экономическом сотрудничестве между Германией и Италией. Риббентроп предложил директору экономического отдела МИД Италии Джанини начать подготовку к проведению осенью заседания военно-экономической комиссии. Он высказался за разработку такой программы экономического сотрудничества, при которой державы оси могли бы покрывать потребности в недостающем сырье как за счет друг друга, так и за счет Балканских стран²¹. Разумеется, гитлеровцы имели в виду прежде всего удовлетворение потребностей германской военной машины в сырье и продовольствии за счет Италии и Балканских стран.

Включение Австрии и Чехословакии в состав «Великой Германии», усиление германской экспансии в Румынии и Югославии привели к ослаблению итальянских позиций в Юго-Восточной Европе. До 1939 г. Италия удовлетворяла основную часть своих потребностей в нефти, каменном угле, железной руде, каучуке, олове, хлопке, шерсти и других стратегических материалах за счет импорта, причем $\frac{3}{4}$ товаров поступало в Италию через Гибралтар, Суэцкий канал и Дарданеллы, остальное через Бреннер и из Юго-Восточной Европы. Италия ввозила нефти и нефтепродуктов 3 млн. т в год, в том числе из США — 37,5%, Венесуэлы — 16,4, Ирака — 9,1, Ирана — 5,4, Колумбии — 4,5, из Румынии около 20%²².

Единственным надежным источником снабжения нефтью Италии являлась Албания, но добыча нефти в этой стране была невелика — в 1939 г. Италия получила всего 208 тыс. т албанской нефти. Италия постоянно стремилась заполучить в свои руки румынскую нефть, но не добилась успехов. В 1939 г. итальянские капиталовложения в румынской нефтяной промышленности составляли лишь 2,9% (387 млн. лей), и Италии приходилось покупать румынскую нефть главным образом у англо-голландских, франко-бельгийских и американской компаний, доставлялась она в основном морем из Констанцы. В 1938 г. Италия купила 549 тыс. т румынской нефти, в 1939 г. — 636 тыс. т²³. В случае конфликта с Англией, Францией или Турцией доступ Италии к румынской нефти по морю был бы сразу закрыт.

Импорт большого количества сырья в условиях подготовки к войне сильно отягощал платежный баланс Италии. Экспорт промышленных товаров из Италии в 1937—1939 гг. сократился, платить за стратегическое сырье, ввозимое из западных стран, приходилось валютой или золотом. В конце 1937 г. золотой запас Италии оценивался в 3996 млн. лир, к началу 1939 г. он составлял всего 322 млн. лир²⁴.

²¹ DDI, ser. 8, vol. 12, № 29.

²² "The Economist", 27.IV.1940, p. 761; 18.V.1940, p. 892.

²³ «Внешняя торговля», 1940, № 12, стр. 28—29.

²⁴ "The Economist", 18.V.1940, p. 892.

Правительство Муссолини согласилось на заключение военного союза с Германией при том условии, если она признает Венгрию и Балканы итальянской сферой влияния. Гитлеровцы обещали уважать итальянские интересы в Юго-Восточной Европе, но фактически они не считались с интересами итальянского союзника. Италия значительно больше проиграла в Дунайском бассейне и на Балканах от поглощения Германией Австрии и Чехословакии, чем выгадала на Балканах от захвата Албании. Об изменениях в торговле Италии свидетельствует следующая таблица. Несмотря

**Внешняя торговля Италии с дунайскими и Балканскими странами
в 1937—1939 гг., %²⁵**

Страна	Экспорт		Импорт	
	1937	1939	1937	1939
Австрия	2,8	—	4,5	—
Чехословакия	1,3	—	2,0	—
Венгрия	1,9	1,8	2,9	3,9
Румыния	1,2	2,8	2,8	3,6
Югославия	1,8	2,6	1,8	2,0
Греция	0,8	1,2	0,5	0,8
Турция	1,2	1,8	0,7	1,6
Итого	11,0	9,2	15,2	11,9

на некоторое увеличение доли Италии в торговле с Румынией, Югославией, Грецией и Турцией в целом внешнеторговые позиции Италии в Дунайском бассейне и на Балканах заметно ухудшились. Над самой Италией нависла угроза превращения в источник снабжения германской военной машины сырьем, продовольствием и рабочей силой. Германия вела с Италией торговлю на тех же условиях, что и со странами Юго-Восточной Европы. К маю 1939 г. германская задолженность Италии достигла 75 млн. марок. Глава итальянской делегации Джанини потребовал, чтобы в соответствии с итало-германским торговым соглашением от 13 февраля 1939 г. Германия увеличила поставки в Италию стали, угля, машин и оружия. Глава германской делегации Клодиус заявил в ответ, что Германия не может покрыть задолженность Италии посредством увеличения поставок стали, угля и машин, и предложил увеличить импорт германского оружия. Джанини согласился, 27 мая в Риме и Берлине были подписаны секретные протоколы о взаимных поставках. Германия должна была поставить Италии 50 батарей 88-миллиметровых зенитных орудий на сумму 40 млн. марок²⁶.

²⁵ Внешняя торговля капиталистических стран. Ст. справочник 1936—1939. М., 1941, стр. 68—69.

²⁶ DGFP, vol. 6, № 423, p. 557; DDI, vol. 12, № 31, p. 21.

26 мая итальянский посол в Берлине Аттолико сообщил Чиано, что по поручению Риббентропа статс-секретарь МИД Германии Вейцзекер разрабатывает предложения о структуре и плане действий военно-политической и военно-экономической комиссий.

Военно-политическая комиссия призвана осуществлять функции связи и координации действий отдельных родов войск. Каждый род войск (сухопутных, военно-воздушных и военно-морских сил) должен был поддерживать контакты с соответствующим родом войск другой союзной страны. Вице-председателем военно-политической комиссии с германской стороны был назначен Вейцзекер, в нее также должен был войти начальник штаба ОКВ генерал-полковник Кейтель. Если в задачу военно-политической комиссии входила разработка планов только на случай войны, то военно-экономическая комиссия должна была еще в мирное время заниматься подготовкой экономики двух союзных стран к войне. Вице-председателем военно-экономической комиссии был назначен посол для особых поручений МИД Германии К. Риттер.

В это время военно-политическое руководство фашистской Италии спешно разрабатывало свои предложения о военно-политическом и экономическом сотрудничестве Италии и Германии. Через несколько дней после заключения «стального пакта» Муссолини заявил Чиано, что настал момент, когда нужно внести полную ясность во взаимоотношения держав оси. 30 мая Муссолини поручил генералу Каваллеро, который был назначен вице-председателем итальянской делегации в военно-политической и военно-экономической комиссиях, передать лично Гитлеру меморандум, в котором была изложена его программа действий. «Благодаря стратегическим позициям, занятым в Богемии и Албании, — писал Муссолини, — державы оси имеют в своих руках основной фактор для успеха». В Риме не собирались вступать в войну одновременно с Германией, если Англия и Франция станут на сторону Польши. Муссолини напомнил Гитлеру о том, что во время миланских переговоров Чиано предупредил Риббентропа, что в связи с недостаточной подготовленностью к войне Италия не сможет ранее 1942 г. вступить в «европейскую войну». Муссолини назвал оборонительные рубежи на Рейне, в Альпах и на границах Ливии «практически неприступными для сухопутных сил», отсюда делался вывод, что «война может приобрести динамичный характер на Востоке и Юго-Востоке. Польше и другим государствам, имеющим гарантии, придется рассчитывать на самих себя». Ссылаясь на то, что Англия и Франция могут подвергнуть державы оси экономической блокаде, Муссолини предлагал овладеть в первые часы войны Балканами и всем Дунайским бассейном. «Мы не должны считаться с заявлением о нейтралитете, нужно оккупировать эти территории и использовать их для обеспечения снабжения в военное время необходимым продовольствием и промышленным сырьем ... В этой игре мы можем рассчитывать на две надежные пешки: Венгрию и Болгарию». Меморан-

дум заканчивался словами: «Желаю знать, встретят ли одобрение фюрера вышеизложенные соображения. Если так, то в соответствии с ними должны быть подготовлены планы генеральных штабов»²⁷.

Было очевидно, что одновременно с нападением Германии на Польшу правительство Муссолини намеревается приступить к осуществлению своих захватнических планов на Балканах и в Дунайском бассейне.

В конце мая под руководством начальника генерального штаба маршала Бадольо в Риме состоялось совещание руководителей итальянских вооруженных сил, на котором было решено воздержаться от наступательных действий в Ливии и сосредоточить основное внимание на Балканах. Итальянской дипломатии предстояло выяснить, удалось ли Германии договориться с Венгрией о совместных действиях против Польши и с Болгарией — против стран Балканской Антанты²⁸.

31 мая Чиано сообщил в Берлин, что вице-председатель итальянской делегации в военно-политической и военно-экономической комиссиях генерал Каваллеро выезжает в Германию с тем, чтобы, во-первых, передать лично фюреру важный секретный документ и, во-вторых, установить контакты с соответствующими должностными лицами Германии²⁹. Но Гитлер не пожелал принять генерала Каваллеро, он вел в это время переговоры с регентом Югославии принцем Павлом, меморандум пришлось вручить Риббентропу. После встреч с Вейцзекером и Кейтелем выяснилось, что германская сторона не желает считаться с итальянскими предложениями, поэтому генерал Каваллеро смог только обменяться мнениями с руководителями МИД и вермахта. Генерал Кейтель заявил, что необходимо готовиться к совместным действиям Германии и Италии, но пока следует избегать преждевременной войны³⁰. Несомненно, что гитлеровский генерал имел в виду итальянские планы в отношении Балкан.

6 июня Риббентроп сообщил Аттолико, что Гитлер полностью разделяет идеи дуче, высказанные в его меморандуме, но хотел бы обсудить с ним ряд пунктов. С этой целью было бы полезно организовать встречу фюрера с дуче на Бреннере примерно в октябре³¹. Через три дня Риббентроп обратился в Рим с предложением созвать первую сессию военно-политической и военно-экономической комиссий в Берлине через месяц; он дал понять, что в основу деятельности комиссий должны быть положены германские предложения³².

---

²⁷ DGFP, vol. 6, p. 618—620; DDI, vol. 12, № 59, p. 50—51.

²⁸ DDI, vol. 12, № 7, p. 7—8.

²⁹ *Ibid.*, № 65.

³⁰ *Ibid.*, № 102; № 182, p. 161—162.

³¹ *Ibid.*, № 130.

³² DGFP, vol. 6, № 527, p. 726—727.

Вместо прямого ответа на эти предложения Риббентропа³³ 10 июня Чиано информировал германского посла в Риме Макензена о том, что три дня тому назад новый английский посол в Риме (Перси Лорейн) вручил ему меморандум, в котором правительство Англии выразило удивление в связи с недавно сделанным Муссолини запросом, сохраняет ли силу англо-итальянское соглашение, заключенное в апреле 1938 г. В английском меморандуме говорилось, что, несмотря на оккупацию Албании, которую можно рассматривать как нарушение статус-кво в Средиземном море, правительство Англии по-прежнему считает соглашение от 16 апреля 1938 г. основой своих отношений с Италией. В связи с событиями в Чехословакии и Албании правительство Англии заявило о предоставлении гарантий Польше, Румынии, Греции и заключило соглашение с Турцией, но все это сделано в целях предотвращения агрессии и не означает изменения курса британской политики в отношении Италии³⁴. Таким образом Чиано дал понять германскому послу, что если в Берлине не будут считаться с интересами союзника, то для Италии не закрыт еще путь к соглашению с западными державами.

15 июня Риббентроп напомнил итальянскому послу о своих предложениях. 19 июня Аттолико сообщил Вейцзекеру, что Муссолини готов встретиться с Гитлером в начале августа, что касается первой сессии военно-политической и военно-экономической комиссии, то ее целесообразно созвать после встречи дуче с фюрером³⁵. 20 июня Аттолико сообщил Чиано, что недавно министр хозяйства Германии М. Функ выступил с резкой критикой экономической политики Италии. Он указал, что Италия закупает в Германии такие товары, как сталь, уголь, машины, в которых остро нуждается сама Германия, в то же время итальянские товары конкурируют с германскими товарами на рынках третьих стран. Функ выразил надежду, что итальянская солидарность с Германией в военно-политической области будет распространена и на экономические связи как между державами оси, так и в отношении третьих стран³⁶.

20—21 июня 1939 г. в Фридрихсгафене (на озере Констанца) состоялись переговоры руководителей военно-морских сил Германии и Италии. Глава германской делегации gross-адмирал Редер и глава итальянской делегации адмирал Каваньяри признали Англию и Францию главными противниками держав оси на море; они пришли также к выводу, в случае войны между держа-

³³ В письме Анфузо от 11 июля 1939 г. Аттолико отметил, что вопрос о встрече Гитлера с Муссолини был поднят 6 июня, в то время данцигский вопрос не являлся столь острым и поэтому ответа тогда не было дано.— См.: DDI, vol. 12, № 535, p. 399—400.

³⁴ DGFP, vol. 6, N 505, p. 694—695.

³⁵ *Ibid.*, № 546, p. 749—750; DDI, vol. 12, № 428, 717.

³⁶ DDI, vol. 12, № 291, p. 242—245.

вами оси и двумя западными странами СССР, Турция и Греция выступают против оси, если США и не выступают на стороне Англии и Франции, то окажут им материальную помощь. Редер и Каваньяри договорились о следующем разграничении зон военноморских операций: 1. В Северном и Балтийском морях, в Ледовитом и Атлантическом океанах должны были действовать германские военноморские силы; 2. В Средиземном, Черном и Красном морях — итальянский флот; 3. В Индийском и Тихом океанах предусматривались совместные операции военноморских сил Германии и Италии.

Гросс-адмирал Редер считал необходимым разъединить неприятельские силы в Средиземном море на две части в районе Сицилийского пролива и оттеснить их к более отдаленным базам (Гибралтар, Оран, Александрия, турецкие порты в Анатолии). Редер предлагал итальянскому командованию сосредоточить вначале основные усилия в западной части Средиземного моря с тем, чтобы нарушить коммуникации, соединяющие Францию с Северной Африкой, обеспечить надежную связь между Италией и Испанией. Он высказал предположение, что в связи с обострением положения на Дальнем Востоке английские военноморские силы будут отведены из восточной части Средиземного моря в Сингапур.

Адмирал Каваньяри заявил, что вся имеющаяся информация о намерениях западных держав и дислокации военноморских сил Англии и Франции свидетельствует о том, что противник собирался предпринять наиболее серьезные усилия в Средиземном море. Ранее предполагалось, что итальянские силы в Ливии будут занимать оборону на границе с Тунисом и предпримут наступление на Египет. В результате заключения англо-турецкого соглашения позиции Англии в восточной части Средиземного моря усилились. Возможно, что Италии придется занять оборону и на восточной границе Ливии. Германская делегация признала эти соображения обоснованными.

Редер и Каваньяри договорились, что в случае войны с западными державами итальянский флот закроет основные силы противника в Средиземном море, разъединит их на две группы, прервет коммуникации противника на линиях Дарданеллы — Гибралтар и Аден — Суэц — Гибралтар.

Во время переговоров во Фридрихсгафене между делегациями военноморских сил Германии и Италии возникли разногласия. Когда адмирал Редер выдвинул предложение создать единое командование военноморских сил держав оси и совместные комиссии по спорным стратегическим и техническим вопросам, глава итальянской делегации адмирал Каваньяри отклонил это предложение. Он спросил Редера, рассчитывает ли Германия на получение сырья из Югославии и Румынии? Редер ответил, что румынская нефть необходима Германии, о Югославии он умолчал, но заметил, что вопрос снабжения держав оси сырьем из Бал-

канских стран подлежит обсуждению в комиссии по военно-экономическим вопросам³⁷.

В ходе переговоров в мае — июне 1939 г. правительства Германии и Италии не смогли окончательно решить вопрос о разделе Балкан на сферы влияния, военным руководителям двух союзных держав не удалось договориться о координации действий германских и итальянских сил против западных держав и связанных с ними стран Восточной и Юго-Восточной Европы. Гитлеровцы стремились уклониться от обсуждения итальянских требований, изложенных в меморандуме Муссолини от 30 мая 1939 г., они соглашались рассмотреть летом 1939 г. лишь процедурные вопросы, решение важнейших вопросов, интересовавших итальянского союзника, пытались отложить на осень 1939 г., т. е. до окончания войны с Польшей. В свою очередь правительство Муссолини рассчитывало осуществить захватнические планы на Балканах как раз в период германо-польской войны.

Однако несмотря на возникшие между противниками разногласия, правительство Муссолини все еще надеялось договориться с Германией на подходящей основе. 24 июня генерал Каваллеро представил Чиано предложения о деятельности военно-политической и военно-экономической комиссий³⁸. Он отметил, что в предложениях учтены как результаты переговоров с немцами в Берлине, так и рекомендации Чиано, министра финансов Гуарнери и начальника генерального штаба сухопутных сил генерала Паиани.

1. Военно-политическая комиссия призвана:

а) представлять материалы главам правительств по вопросам, представляющим взаимный интерес при подготовке и ведении войны;

б) способствовать реализации указанных решений и соглашений о координации действий, а также директив для военно-экономической комиссии;

в) выполнять роль центра, в котором обобщаются результаты сотрудничества между отдельными видами вооруженных сил с тем, чтобы привести их в соответствие с целями, указанными в пунктах «а» и «б».

Отношения между отдельными видами вооруженных сил обеих стран должны развиваться непосредственно в пределах соответствующего рода войск (военные атташе для каждого рода войск) без вмешательства комиссии в эти отношения, а лишь координируя их деятельность, как указано в пункте «б».

В состав военно-политической комиссии намечается ввести по

---

³⁷ DGFP, vol. 6, App. 1, № 12, p. 1121—1123; № 13, p. 1124—1125; № 14, p. 1126—1127; DDI, vol. 13, App. 4, p. 432—444.

³⁸ Каваллеро отметил, что Риббентроп предложил Чиано создать первую сессию комиссий в Берлине в середине июля с тем, чтобы договориться о повестке дня и методах работы комиссии.— См.: DDI, vol. 12, № 349, p. 280.

три-четыре члена, в том числе по одному дипломату и по два-три военных с каждой стороны.

II. Военно-экономическая комиссия должна:

а) изучать проблемы, представляющие общий интерес в области военной экономики как в период подготовки, так и в период войны;

б) представлять правительствам необходимые рекомендации, касающиеся главным образом снабжения сырьем, обеспечения транспортом, продовольствием, производства вооружения;

а) распространять обязанности, а также соглашения на другие страны, и, если это окажется необходимым, включать их в военную экономику союзников.

Состав военно-экономической комиссии необходимо предварительно согласовать с заинтересованными министерствами (корпорацией, сельского хозяйства и т. д.).

III. Постоянный секретариат должен стать основным инструментом в деятельности обеих комиссий; он будет состоять из военно-политического и экономического отделов, подчиненных министру или его заместителю. С немецкой стороны предусматривается назначение двух генеральных секретарей — по одному для каждого отдела, с итальянской стороны в первый отдел следует назначить генерала Марраса — способного генерала, большого специалиста по германскому вопросу, во второй отдел — опытного экономиста, подходящая кандидатура подыскивается. Оба отдела будут состоять из ограниченного числа лиц — представителей военных министерств в первом отделе и от других министерств или ведомств во втором отделе. В состав каждого отдела будет входить чиновник министерства иностранных дел.

В заключение генерал Каваллеро напомнил Чиано о том, что через несколько дней в Рим прибудет вице-председатель германской делегации в военно-экономической комиссии К. Риттер для установления более широких контактов с итальянскими представителями комиссии, заключения с ними ряда принципиальных соглашений по организационным вопросам и выработки методов работы комиссии³⁹.

23 июня Аттолико обратил внимание на резкое обострение германо-польских отношений⁴⁰. «Весь дипломатический корпус охвачен новой волной черного пессимизма, — писал Аттолико. — Считаю, что в создавшейся обстановке запланированная летом встреча между фюрером и дуче была бы весьма своевременной. Необходимо, чтобы она состоялась до Нюрнбергского съезда (назначенного на 3—10 сентября), и поскольку она должна служить от-

---

³⁹ DDI, vol. 12, № 349, p. 278—280.

⁴⁰ В последней декаде июня МИД Италии получило несколько сообщений из Берлина, Парижа, Варшавы и Братиславы о подготовке Германии к захвату Данцига и нападения на Польшу. — См.: DDI, vol. 12, № 323, 324, 338, 367.

правной точкой для ориентации, я полагаю, что лучше всего было бы организовать встречу в первые дни августа»⁴¹. Правительство Муссолини сначала не возражало против этой даты. Но после того, как МИД Германии предложило провести встречу Гитлера с Муссолини 4 августа, Аттолико получил из Рима инструкцию отложить встречу до конца сентября — начала октября⁴². Изменение позиции Рима было связано с усилением нажима англо-французского блока на Италию, а также на Болгарию и Венгрию, которых правительство Муссолини рассчитывало использовать в качестве «надежных пешек» в своей игре на Балканах.

После оккупации немецкими войсками Чехословакии, заключения германо-румынского экономического соглашения и итальянского вторжения в Албанию в Лондоне и Париже стали опасаться совместного продвижения держав «оси Берлин — Рим» через Балканы к Средиземному морю и на Ближний Восток. Для того, чтобы затруднить германское продвижение на юго-восток, Англия и Франция предоставили свои гарантии Польше, Румынии, Греции и вступили в переговоры с Турцией о заключении трехстороннего договора о взаимопомощи. С политической поддержкой англо-французского блока и предложением о посредничестве между западными странами и державами «оси Берлин — Рим» выступило 14 апреля 1939 г. правительство США⁴³.

После предоставления англо-французских гарантий Польше, Румынии и Греции правительства Чемберлена и Даладье обратились к правительству СССР с предложением предоставить советские гарантии Польше, Румынии, а может быть, и некоторым другим государствам. Никаких конкретных мер, направленных против расширения фашистской агрессии, в предложениях западных держав не предусматривалось. Для того чтобы подвести солидную базу под отношения между СССР, Англией и Францией, Советское правительство предложило правительствам Англии и Франции заключить пакты о взаимопомощи. В статье 2-й советского проекта пакта говорилось, что Англия, Франция и СССР обязуются оказывать всяческую, в том числе военную, помощь государствам, расположенным между Балтийским и Черным морями, если они станут жертвами агрессии. Советское правительство предлагало заключить между Англией, Францией и СССР конвенцию, установить формы и размеры военной помощи друг другу и гарантируемым государствам. Правительство Англии должно было заявить, что обещаемая им помощь Польше имеет в виду агрессию исключительно со стороны Германии. Существовавший между Польшей и Румынией союзный договор объявлялся действующим при всякой агрессии против этих стран, либо отменялся совсем, как направленный против СССР. Советское правительство пред-

⁴¹ DDI, vol. 12, № 323.

⁴² *Ibid.*, № 535, p. 400—401.

⁴³ СССР в борьбе за мир..., стр. 684, прим. 104.

ложило также, чтобы Англия, Франция и СССР вступили совместно в переговоры с Турцией об особом соглашении о взаимопомощи ⁴⁴.

Советские предложения от 17 апреля 1939 г. являлись хорошей основой для организации коллективного отпора фашистской агрессии. Советское правительство пыталось также привлечь к участию в создании системы коллективной безопасности Турцию, Польшу, Румынию и другие Балканские страны.

При обсуждении советского предложения в комитете внешней политики британского кабинета 19 апреля все члены комитета пришли к единодушному выводу, что заключение пакта с СССР «вызвало бы подозрение среди наших друзей и усилило бы враждебность наших врагов» ⁴⁵. Парламентский заместитель министра иностранных дел Р. Батлер посоветовал членам комитета подождать с ответом на советские предложения до выступления Гитлера в рейхстаге 28 апреля ⁴⁶: ожидалось, что в этот день Гитлер даст ответ на предложения президента США Ф. Рузвельта от 14 апреля 1939 г.

В своем выступлении в рейхстаге 28 апреля Гитлер отклонил предложения Ф. Рузвельта, он вновь выдвинул требование о расширении «жизненного пространства» Германии. Используя в качестве предлога предоставление английских гарантий Польше, Гитлер объявил о денонсации германо-польского договора о дружбе и англо-германского морского соглашения, одновременно с этим выразил готовность установить дружественные отношения с Англией при том условии, если она проявит понимание интересов Германии ⁴⁷.

Советский посол в Лондоне И. И. Майский сообщил в Москву, что после выступления Гитлера в рейхстаге в Англии вновь подняли голову «умиротворители», которые требуют, чтобы правительство Чемберлена возобновило попытки договориться с Германией и Италией. В буржуазных газетах появились явно инспирированные правительством Чемберлена сообщения о том, что безоговорочное принятие советских предложений опасно для Англии, так как союз с СССР вызовет раздражение Японии, взволнует генерала Франко и оттолкнет от Англии ее старинную союзницу Португалию ⁴⁸.

8 мая английский посол в Москве Сидс сообщил народному комиссару иностранных дел СССР, что правительство Великобритании считает неприемлемыми советские контрпредложения, так как против них возражает Польша. Затем он изложил в несколько

---

⁴⁴ СССР в борьбе за мир..., № 239, стр. 336—337.

⁴⁵ PRO, Cab. 27/625, p. 287—290, 298—302.

⁴⁶ *Ibidem*.

⁴⁷ "Völkischer Beobachter", 29.IV.1940.

⁴⁸ СССР в борьбе за мир..., № 281, стр. 384; № 284, стр. 386.

измененной форме первоначальные английские предложения от 14 апреля⁴⁹.

2 июня Советское правительство направило в Лондон и Париж проект договора о взаимопомощи, где в статье 1-й говорилось:

«Франция, Англия и СССР обязываются оказывать друг другу немедленную эффективную помощь, если одно из этих государств будет втянуто в военные действия с европейской державой в результате либо 1) агрессии со стороны этой державы против любого из этих трех государств, либо 2) агрессии со стороны этой державы против Бельгии, Греции, Турции, Румынии, Польши, Латвии, Эстонии, Финляндии, относительно которых условлено между Англией, Францией и СССР, что они обязуются защищать эти страны против агрессии, либо 3) в результате помощи, оказанной одним из этих трех государств другому европейскому государству, которое попросило эту помощь, чтобы противодействовать нарушению его нейтралитета»⁵⁰.

15 июня правительства Англии и Франции сообщили в Москву свой ответ, в котором в основном повторялись их предложения от 14 апреля. Англия и Франция добивались, чтобы СССР оказал немедленную помощь Польше, Румынии, Бельгии, Греции и Турции в случае нападения на них агрессора и вовлечения в связи с этим в войну Англии и Франции, между тем Англия и Франция отказывались брать на себя обязательства по оказанию помощи СССР в случае, если он будет вовлечен в войну с агрессорами в связи с нападением агрессора на граничащие с СССР Латвию, Эстонию и Финляндию⁵¹.

Начав переговоры с СССР, правительство Англии одновременно продолжало попытки договориться с Германией. В середине мая Берлин посетил член палаты общин от консервативной партии Друммонд-Вольф, он предложил чиновнику ведомства «четырехлетнего плана» Вольтату возобновить прерванные в марте англо-германские переговоры⁵². В телеграмме государственному секретарю Хэллу от 10 мая 1939 г. посол США в Париже Буллит с удовлетворением отметил, что министр иностранных дел Франции Бонне и британский посол в Париже «считают, что в конечном счете Германия и Италия будут вынуждены вести переговоры примерно на той основе, которая была предложена президентом в его послании Гитлеру и Муссолини»⁵³.

После встречи Риббентропа и Чиано в Милане (6—7 мая 1939 г.) между Англией и Турцией была заключена 12 мая декларация о взаимопомощи, согласно которой в случае возникновения войны в Средиземном море Англия и Турция обязались оказывать друг другу действенную помощь. Англо-турецкая декларация яв-

⁴⁹ Там же, № 279, стр. 382—383.

⁵⁰ Там же, № 315, стр. 432.

⁵¹ Там же, № 330, стр. 452; № 331, стр. 453.

⁵² DGFP, vol. 6, № 380, p. 491.

⁵³ СССР в борьбе за мир..., № 286, стр. 389.

лялась временным соглашением, своим острием она была направлена против Италии. Но в декларацию была включена статья 6-я, которая предусматривала возможность распространения соглашения на Балканы⁵⁴. В случае германского продвижения через Балканы к Средиземному морю и на Ближний Восток, особенно в случае совместного продвижения держав «оси Берлин — Рим» в этом направлении, предполагалось распространить действие англо-турецкого соглашения на Балканы.

Член палаты общин от лейбористской партии А. Гендерсон спросил 12 мая премьер-министра Чемберлена, рассматривался ли при заключении англо-турецкой декларации вопрос о пропуске английских военных судов из Средиземного моря через проливы в Черное море и учитывалась ли при этом статья 19-я Конвенции о проливах, заключенная в Монтрё? Чемберлен заявил, что правительства Англии и Турции договорились решить этот вопрос при окончательном заключении договора о взаимопомощи⁵⁵.

Параллельно с англо-турецкими переговорами велись франко-турецкие переговоры. Турецкое правительство требовало, чтобы одновременно с заключением франко-турецкой декларации о взаимопомощи Франция окончательно уступила Турции Александреттский санджак; договориться по этому вопросу не удалось, но не только потому, что Франции не хотелось упускать из своих рук Александреттский санджак. Основная причина неодновременного заключения англо-турецкой и франко-турецкой деклараций заключалась в том, что во время интервала между их заключением Англия и Франция пытались договориться с обеими державами «оси Берлин — Рим» или с одной из них на взаимоприемлемой основе. Бывший французский посол в Анкаре Массигли отмечает в своих мемуарах, что Бонне все еще надеялся договориться с Муссолини, поэтому он дал указание Массигли не спешить с заключением франко-турецкой декларации⁵⁶. Не хотело обострять по своей инициативе отношений с державами «оси Берлин — Рим» и правительство Чемберлена.

С 1 по 8 июня Англию посетил гитлеровский эмиссар А. фон Тротт, который встречался в доме Асторов в Кливдене с премьер-министром Чемберленом, министром иностранных дел лордом Галифаксом и другими политическими деятелями Англии. А. фон Тротт сообщил своим собеседникам, что Гитлер готовится захватить районы производства зерна, каменного угля, нефтепромыслы Восточной и Юго-Восточной Европы. Если потребуются, Германия разгромит русских за шесть месяцев и оккупирует Украину. После бесед в Кливдене А. фон Тротт пришел к выводу, что правительство Чемберлена готово предоставить Гитлеру свободу рук в Восточной и Юго-Восточной Европе⁵⁷.

⁵⁴ The Parliamentary Debates. H. of C., vol. 347, cols 952—953.

⁵⁵ PRO, Cab. 27/624, p. 335a

⁵⁶ R. Massigli. La Turquie e devant la guerre. P., 1964, p. 239.

⁵⁷ DGFP, vol. 6, № 497, p. 674—684.

8 июня Чемберлен подтвердил в палате общин готовность своего правительства договориться с Германией на взаимоприемлемой основе, при этом он подчеркнул, что любые утверждения о намерении Англии «изолировать Германию или стать на пути ее естественной торговой экспансии в Центральной и Юго-Восточной Европе или готовиться начать против нее войну, являются фантастическими»⁵⁸.

В тот же день с важной речью в палате лордов выступил лорд Галифакс. Он выразил удовлетворение по случаю вывода с Балеарских островов 22 тыс. итальянских и 6 тыс. немецких солдат и офицеров. Галифакс отметил, что Англия предоставила односторонние гарантии Польше, Румынии, Греции и заключила декларацию о взаимопомощи с Турцией. «Я думаю,— сказал он,— что это является лучшим предзнаменованием консолидации мира в Средиземном море и в Юго-Восточной Европе»⁵⁹. Галифакс изложил готовность обсудить вопрос об обеспечении Германии и Италии «жизненным пространством»⁶⁰. Фактически в этих заявлениях был дан положительный ответ на предложения Гитлера от 28 апреля 1939 г.

В мае — июне 1939 г. с полного согласия и одобрения Англии правительства Югославии и Румынии выдвинули предложение о превращении Балканской Антанты в общебалканский «блок нейтральных держав». Министры иностранных дел Югославии и Румынии договорились не возражать против заключения Турцией договора о взаимопомощи с Англией и Францией, если зона действия договора будет ограничена Средиземным морем. В случае согласия Германии на нейтрализацию Балкан статья 6-я из англо-турецкого и франко-турецкого пактов была бы исключена. Правительства Болгарии и Венгрии изъявили готовность поддержать план нейтрализации Балкан при условии, если страны Балканской Антанты пойдут им на определенные территориальные уступки. В середине июня выяснилось, что план «нейтрализации Балкан» неприемлем для держав оси.

22 июня в Берлине и Риме было опубликовано коммюнике о переговорах руководителей военно-морских сил Германии и Италии в Фридрихсгафене. Обе державы оси не желали отказываться от своих захватнических устремлений на Балканах, в Средиземном море и на Ближнем Востоке. На следующий день, 23 июня 1939 г., в Париже была подписана декларация о взаимопомощи. Текст этого соглашения полностью совпадал с англо-турецкой декларацией от 12 мая 1939 г. Обе декларации носили временный характер, но державам «оси Берлин — Рим» дано было понять, что в случае итало-германского продвижения через Балканы к Средиземному морю и на Ближний Восток Англия, Франция и Турция

---

⁵⁸ The Parliamentary Debates. H. of C., vol. 348, cols 635—636.

⁵⁹ *Ibid.*, vol. 113, cols 355.

⁶⁰ *Ibid.*, cols 361.

не только превратят временные двусторонние декларации о взаимопомощи в тройственный пакт взаимопомощи, но и распространят его действие на Балканы.

II

В конце июня 1939 г. состоялось совещание руководителей генеральных штабов Англии и Франции, на котором обсуждались возможные действия двух западных союзников в случае германо-польской войны. Участники совещания признали, что союз с Польшей выгоден для западных держав. Английский комитет начальников штабов считал наиболее вероятным нападение Германии на Польшу. Никто не сомневался в том, что Польша будет сокрушена, если западные державы не окажут мощное давление на Германию, но если бы дело не дошло до германского нападения на Польшу, Германии все равно пришлось бы держать на востоке 30—35 дивизий. Это заметно сократило бы наступательную силу Германии на западе и дало бы западным союзникам выигрыш во времени для дальнейшей подготовки к военным действиям. Руководители генеральных штабов Англии и Франции пришли к выводу, что «судьба Польши будет определяться общими результатами войны, а последние в свою очередь будут зависеть от способности западных держав одержать победу над Германией в конечном счете, а не от того, смогут ли они ослабить движение Германии на Польшу в самом начале»⁶¹.

Начальник французского генерального штаба генерал Гамелен считал, что главный удар нужно нацеливать против Италии, наступление против сильно укрепленной «линии Зигфрида» требовало бы длительных приготовлений и не могло быть предпринято в спешке⁶². Таким образом, позиции руководителей штабов Англии и Франции по польскому вопросу полностью совпадали: еще до начала германо-польской войны англо-французские «гаранты» решили бросить Польшу на произвол судьбы.

По итальянскому вопросу возникли разногласия. Английские начальники штабов считали более выгодным сохранить нейтралитет Италии даже в том случае, если она займет благожелательную позицию в отношении Германии. Западным державам удалось бы в таком случае избежать распыления своих вооруженных сил и сохранить коммуникации в Средиземном море⁶³. Верх одержала английская точка зрения.

Совещание закончилось принятием трех предложений, которые были представлены французскому и английскому правительствам:

1. Судьба Польши будет зависеть от конечного исхода войны, а это в свою очередь — от способности Англии и Франции нанести

⁶¹ Дж. Батлер. Большая стратегия. Сентябрь 1939 — июнь 1941. М., 1959, стр. 34.

⁶² Д. Кимхе. Несостоявшаяся битва. М., 1971, стр. 80—81.

⁶³ Дж. Батлер. Большая стратегия, стр. 34.

конечное поражение Германии, а не от их способности облегчить давление на Польшу в самом начале войны.

2. Чем дольше Италия останется нейтральной, тем лучше для союзников, даже если нейтралитет будет благожелательным для Германии.

3. Все вышеперечисленное требует отказа от единственных наступательных мер со стороны союзников, которые предполагалось вести на ранней стадии войны, не говоря уже об экономическом давлении⁶⁴. Таким образом, западные державы решили воздержаться от наступательных действий против обеих держав оси.

Но прежде чем бросить Польшу и Балканские страны на съедение фашистским агрессорам, правительства Англии и Франции решили предупредить Германию и Италию о том, что их совместное наступление на запад или на юго-восток приведет к общеевропейской войне. В письме лорду Галифаксу английский посол в Риме П. Лорейн отметил, что он принял пост в Риме с тем условием, что не следует по английской инициативе сжигать мосты, ведущие в Рим, так как итальянцы еще могут пересмотреть свои позиции, но чем дальше, тем больше Муссолини становится на путь сближения с Гитлером — превратил ось в военный союз и стал часто показывать свои зубы, особенно после заключения англотурецкой декларации. Англо-итальянское соглашение 1938 г. полностью обесценено. В связи с тем, что Муссолини не считается больше с доводами Англии, с ее принципами и интересами, необходимо проявить твердость по отношению к нему. Если Муссолини обнаружит, что его нынешняя политика не приведет к добру, то он сам ее изменит, как это неоднократно делал в прошлом. Надо также использовать трения между Германией и Италией. Между Гитлером и Муссолини нет настоящей любви, если Гитлер установит контроль над Венгрией и Югославией, то это неизбежно приведет к обострению противоречий между Германией и Италией⁶⁵.

29 июня 1939 г. временный поверенный в делах Италии в Лондоне Кролла сообщил Чиано, что в Лондоне возрастает тревога в связи с обострением германо-польских отношений. Галифакс предупредил о решимости британского правительства выполнить свои обязательства перед восточно-европейскими странами. Правительство Чемберлена решило обратиться к Франции с предложением сделать какой-нибудь жест, который облегчил бы возобновление переговоров с Италией⁶⁶.

Правительство Даладье последовало совету из Лондона, вначале оно предупредило германского посла в Париже, что в случае возникновения германо-польского конфликта Франция выполнит свои обязательства перед Польшей⁶⁷. Затем правительство Франции дало знать в Рим о том, что готово послать в Италию своего

⁶⁴ Д. Кимхе. Несостоявшаяся битва, стр. 81.

⁶⁵ DBFP, ser. 3, vol. 6, № 396, p. 443—445.

⁶⁶ DDI, vol. 12, № 408, p. 318.

⁶⁷ DGFP, vol. 6, № 603, p. 828—829.

представителя для официальных и неофициальных переговоров. Оно обещало проявить широкое понимание итальянских интересов. Но дело не ограничилось этим. Правительство Франции уведомило также Рим, что ни Франция, ни Англия не могут отказаться от своих обязательств перед Польшей, хотя они сильно тяготят их, так как Польша может по своему усмотрению развязать военный конфликт с Германией. Муссолини может оказать делу мира еще большую услугу, чем во время Мюнхена, если предложит Гитлеру созвать новую встречу руководителей четырех великих европейских держав⁶⁸.

Но главную роль в переговорах с Италией в июле — августе 1939 г. играла Англия. 4 июля состоялось заседание комитета внешней политики английского правительства, на котором обсуждались данцигский вопрос и английская политика в отношении Италии. По предложению премьер-министра Чемберлена комитет решил послать в Варшаву английского генерала (Джона Дилла или Эдмунда Айронсайда) для переговоров с политическими и военными руководителями Польши. Галифакс сообщил, что поляки недовольны задержкой английского кредита Польше. Министр финансов Джон Саймон объяснил задержку с предоставлением Польше кредита тем, что Франция не желает взять на себя половину расходов по оказанию финансовой помощи Польше. Комитет решил снова обсудить с Францией вопрос о совместном предоставлении кредита Польше.

Лорд Галифакс предложил комитету, чтобы премьер-министр послал Муссолини письмо, в котором предупредил бы его об опасных последствиях общеевропейской войны. Чемберлен горячо поддержал это предложение. «Гитлер не читает речей английских министров, — сказал он, — а если читает, то не верит в то, что мы говорим. Поэтому надо использовать другие возможности. Синьор Муссолини, конечно, всегда в состоянии изложить свои взгляды непосредственно герру Гитлеру, а известно, что синьор Муссолини очень опасается, что Италия будет втянута в войну»⁶⁹. Комитет одобрил проект письма Чемберлена к Муссолини⁷⁰.

6 июля английский посол в Риме П. Лорейн вручил Муссолини письмо Чемберлена, в котором тот, кроме предупреждения об опасных последствиях общеевропейской войны, предложил ему проявить инициативу в мирном урегулировании польско-германского конфликта. Посол сказал Муссолини, что если нужно передать что-либо в Лондон, то он охотно сделает это. Прочитав письмо Чемберлена, Муссолини сказал: «Если возникнет война и Соединенное королевство будет бороться за Данциг на стороне Польши, тогда Италия будет сражаться вместе с Германией»⁷¹.

---

⁶⁸ DDI, vol. 12, N 617.

⁶⁹ PRO, Cab. 27/624, p. 216, 225—230.

⁷⁰ *Ibid.*, p. 233.

⁷¹ DBFP, vol. 6, № 261, p. 288—290.

В конце июня — начале июля 1939 г. в Лондоне и Париже говорили о необходимости создать оборонительный заслон в составе Польши, Турции и Балканских стран. Генеральные штаты Англии и Франции начали готовиться к обсуждению с Польшей и странами Балканской Антанты планов совместных действий против Германии, Италии, Венгрии и Болгарии, если они предпримут наступление на юго-восток. Видную роль в разработке военных планов англо-французского блока сыграл английский генерал Айронсайд, который до конца июня был губернатором и командующим войсками в Гибралтаре. В июне Айронсайд обсуждал в Рабате с командующим французскими войсками в Северной Африке генералом Ногесом планы защиты английских и французских колониальных владений от нападения держав оси. В начале июля 1939 г. Чемберлен вызвал его в Лондон и назначил на пост генерального инспектора заморских вооруженных сил. Послужной список генерала Айронсайда говорит сам за себя: с сентября 1918 г. по октябрь 1919 г. он возглавлял войска интервентов в Архангельске, в марте 1920 г. был поставлен во главе английской военной миссии в Будапеште, где помогал адмиралу Хорти «наводить порядок», летом 1920 г. он возглавил армию Антанты под Стамбулом, а затем ему поручили руководить военными действиями из Северного Ирана против Советской страны и кемалистской Турции.

10 июля 1939 г. Чемберлен заявил генералу Айронсайду, что не следует рассчитывать на их сотрудничество с СССР, так как Красная Армия очень слаба, к тому же с Советским правительством трудно договориться. В качестве союзника на Востоке нужно иметь в виду Польшу, однако правительство его величества не имеет ни малейшего представления о том, что собираются делать поляки. Чемберлен поручил генералу Айронсайду разузнать об этом на месте. Прежде чем отправиться в Варшаву, генерал Айронсайд ознакомился с материалами совещаний английских и французских штабов, из них ему стало известно, что союзники не собираются предпринимать «поспешного наступления» на линию Зигфрида и что другие формы помощи Польше, например воздушные налеты союзной авиации на Германию, требуют «длительной подготовки»⁷².

17 июля генерал Айронсайд отбыл в Варшаву, где в течение трех дней вел переговоры с главнокомандующим маршалом Рыдз-Смиглы, начальником генерального штаба генералом Стахевичем, встречался с министрами. Айронсайд обещал им оказать помощь Польше через Средиземное море. «При помощи сил, которые мы сосредоточиваем в Египте, — сказал генерал, — мы можем вести операции на Средиземноморском фронте, которые существенно облегчат положение Польши»⁷³. В сообщении в Лондон Айрон-

⁷² The Ironside Diaries 1937—1939. Ld., 1963, p. 14, 78—80.

⁷³ Цит. по: В. М. Хвостов. Мировая печать об «Исторической справке» Совинформбюро. — «Большевик», 1948, № 8, стр. 48.

сайд отметил, что польская армия имеет хорошо подготовленные кадры, но плохо вооружена, и рекомендовал английскому правительству ускорить переговоры о предоставлении Польше кредитов для закупки оружия⁷⁴. После возвращения в Лондон генерал Айронсайд доложил 26 июля военному министру Хор-Белише, что Германия может быстро нокаутировать вначале Польшу, а затем Румынию. Поскольку Франция не собирается наступать на западе, союзникам не удастся задержать германское продвижение на юго-восток, если не будут созданы крупные резервы в Египте⁷⁵. Руководители английских вооруженных сил заботились тогда не о помощи Польше, а о том, как бы направить фашистскую агрессию через Польшу против СССР.

11 июля в Париже состоялось совещание начальников генеральных штабов Франции, на котором было принято решение срочно направить в Турцию военную делегацию во главе с бывшим командующим французскими войсками в Сирии генералом Хюнтцигером⁷⁶. 17 июля генерал Хюнтцигер и начальник турецкого генерального штаба маршал Чакмак приступили в Анкаре к обсуждению военной конвенции. 19 июля премьер-министр и министр обороны Франции Даладье дал директиву генеральному штабу приступить к формированию экспедиционного корпуса в Сирии и Ливане. В июле принц-регент Павел послал в Париж генерала Пешича. Начальник французского генерального штаба Гамелен сообщил генералу, что союзники намереваются занять Салоники с тем, чтобы они не попали в руки Италии, и посоветовал также Югославии отказаться от нейтралитета и стать на сторону союзников⁷⁷.

Политическое и военное руководство англо-французского блока было хорошо информировано о недостаточном обеспечении держав оси стратегическим сырьем. Английская разведка представила 1 апреля 1939 г. начальникам генеральных штабов доклад, в котором обращалось на два особенно уязвимых места Германии: во-первых, основная часть ее тяжелой промышленности была сосредоточена в открытом для нападения районе Рур-Рейнской области — Саар; во-вторых, несмотря на все принятые меры, Германия ощущала нехватку сырья и рабочей силы. Финансовое положение Германии было весьма напряженным, состояние железных дорог было неудовлетворительным; имевшихся запасов нефти, железа, никеля, меди, олова, джута могло хватить в условиях военного времени не более чем на 6 месяцев⁷⁸.

⁷⁴ Д. Кимхе. Несостоявшаяся битва, стр. 83—84.

⁷⁵ The Ironside Diaries, p. 85.

⁷⁶ ЦДИА, ф.-176, оп. 7, д. 1146, л. 5—6, 29—31. Болгарский посланник в Лондоне — Болгарскому МИД.

⁷⁷ R. Massigli. La Turquie e devant la guerre, p. 225—226; P. A. Bourget. De Beyrouth a Bordeaux. P., 1946, p. 2—3; Documents relating to the conflict with Yugoslavia and Greece, № 44. Berl., 1941; J. B. Hoptner. Yugoslavia in crisis 1934—1941. N. Y., and Ld., 1962, p. 149.

⁷⁸ Дж. Батлер. Большая стратегия, стр. 85—86.

В июне 1939 г. представители штабов Англии и Франции согласовали планы экономической блокады Германии, руководить которой должны были англичане. В Лондоне была создана французская экономическая миссия⁷⁹. В случае длительной борьбы англо-французская экономическая блокада могла поставить Германию в весьма затруднительное положение, но многое зависело от того, будет ли она являться составной частью общих решительных действий союзников против Германии. Снабжение сырьем, особенно нефтью, железной рудой и цветными металлами, являлось наиболее уязвимым местом Германии, в этих условиях борьба за контроль над румынской нефтью и шведской рудой превращалась в дело первостепенной важности. Как справедливо отметил американский историк Б. Клейн, до тех пор, пока Франция не потерпела поражения летом 1940 г., Гитлер и верховное командование вермахта не могли быть уверены в том, что сохранят доступ к шведской руде и сырью на Балканах. На первых порах Гитлер и его генералы стремились избежать большой войны, но они не были уверены в том, что Франция и Англия сами не перейдут в наступление⁸⁰.

Еще более уязвимой в экономическом отношении была Италия, ввозившая сырье и продовольствие через Гибралтарский пролив, Суэцкий канал и Черноморские проливы. Перед флотом союзников была поставлена задача отрезать Италию от всех источников сырья и продовольствия за пределами Средиземного моря. Союзники условились, что экономическая блокада Италии не будет полной до тех пор, пока она не выступит против западных держав, в частности, она могла провозить сырье через Черноморские проливы⁸¹, разумеется, если найдет общий язык с западными державами. Более того, через Италию могла бы получать необходимое сырье и Германия, если бы она сосредоточила свои усилия только на востоке.

От действий западных держав в значительной мере зависело поведение всех стран Юго-Восточной Европы, никто из них, в том числе Венгрия и Болгария, не превратились еще в сателлитов гитлеровской Германии. После предоставления английских и французских гарантий Польша, Румыния и Греция неоднократно обращались в Лондон и Париж с просьбами о предоставлении им оружия в кредит, с 30 мая в Лондоне обивала пороги министерства финансов румынская делегация, в начале июня к ней присоединилась турецкая делегация. В первой половине 1939 г. Югославия добивалась в Лондоне получения кредита в сумме 750 тыс. ф. ст. для покупки английского оружия⁸². В июле положение как будто

⁷⁹ W. N. Medlicott. The Economic blockade, vol. 1. L., 1952, p. 35—36.

⁸⁰ B. H. Klein. Germany's Economic Preparations for War. Cambridge. Massachusetts, 1959, p. 50.

⁸¹ S. W. Roskill. The War at Sea, vol. 1. Ld., 1954, p. 44.

⁸² V. Vinaver. Jugoslovensko-engleski ugovor o isporuci naoruzanja 1940 godina.— "Voinoistrijski glasnik", Oct. 1956.

изменилось, правительство Чемберлена провело через парламент закон об отпуске 60 млн. ф. ст. для предоставления военных кредитов странам, получившим английские гарантии. В Лондон были приглашены польская и греческая делегации. Отпущенная сумма была недостаточна для удовлетворения запросов стран Восточной и Юго-Восточной Европы; только Польша запросила 60 млн. ф. ст., Турция — тоже 60 млн., Румыния — 20 млн., но правительство Чемберлена не спешило с распределением даже отпущенных кредитов. Польше был предоставлен кредит в сумме 8 млн. ф. ст., англичане обещали поставить Польше в счет этого кредита самолеты и оружие, но до начала войны ни самолеты, ни оружие не прибыло в Польшу⁸³. Румынии был предоставлен заем в 5,5 млн. ф. ст. и Греции — 2 млн. Румынский посланник Тиля пытался уговорить лорда Галифакса увеличить английский кредит Румынии, но Галифакс остался непреклонным. Решение вопроса о предоставлении кредита Турции было отложено до заключения англо-турецкого пакта о взаимопомощи⁸⁴. 18 июля турецкий президент Иненю с горечью заявил генералу Хюнтцигеру, что раньше Турция получала оружие из Германии, теперь этот источник получения оружия потерян. Со времени заключения англо-турецкой декларации Турция ничего не получила от Англии. Соглашение о поставках французского и английского оружия Турции было достигнуто только в конце августа, за несколько дней до начала войны⁸⁵.

В конце июня — начале июля 1939 г. произошло осложнение отношений между партнерами по «стальному пакту». В Риме были недовольны тем, что Германия препятствует превращению Юго-Восточной Европы в итальянскую сферу влияния. Гитлеровцы опасались, что западные державы могут использовать итало-германское соперничество в Дунайском бассейне и на Балканах с тем, чтобы оторвать Италию от «оси Берлин — Рим». 1 июля статс-секретарь германского МИД Вейцзекер обратился к итальянскому послу Аттолико с предложением созвать первое заседание комиссий 10 июля. Аттолико спросил, чем вызвана такая спешка, ведь ничего не подготовлено. Генерал Каваллеро считает, что комиссии не могут действовать без тщательно подготовленной программы или без политических директив. Итальянская позиция изложена в меморандуме Муссолини, который в принципе одобрен Гитлером, но он выразил желание обсудить ее с дуче. Поэтому целесообразно созвать заседание комиссий после встречи Гитлера с Муссолини в первой половине августа⁸⁶.

---

⁸³ Д. Кимхе. Несостоявшаяся битва, стр. 83—84.

⁸⁴ DBFP, vol. 6, № 320, p. 354; Z. Avramovski. Sukob interesa Velike Britanije i Nemacke na Balkanu uoci svetskog rata.— В кн.: Istorija VV veka, m 2. Beograd, 1961, str. 94.

⁸⁵ Survey of International Affairs. The Eve of War 1939. Ed. A. Toynbee and V. Toynbee. Ld., 1958, p. 146.

⁸⁶ DDI, vol. 12, № 428, p. 328—330.

3 июля Аттолико сообщил Чиано, что 4 июля посол Риттер выезжает в Рим для переговоров с генералом Каваллеро. Аттолико обратил внимание на то, что Риттер собирается только согласовать с Каваллеро состав военно-экономической комиссии и что у него нет программы работы этой комиссии. Сообщение Аттолико заканчивалось словами: «Учитывая все это, я не вижу причин для быстрого отъезда доктора Риттера, присутствие которого в Риме имеет смысл лишь в том случае, если будет сформулирована программа работы комиссии»⁸⁷.

4 июля Муссолини принял генерала Каваллеро и дал ему указание занимать твердую позицию во время предстоящих переговоров с Риттером⁸⁸. 5—7 июля состоялись переговоры между двумя вице-председателями военно-экономической комиссии. Риттер настаивал на скорейшем созыве заседания комиссии, но генерал Каваллеро отклонил это предложение. В результате было принято решение отсрочить заседание комиссии до середины августа⁸⁹.

7 июля, по указанию Муссолини, Чиано информировал германского посла в Риме Макензена о послании Чемберлена Муссолини; он сообщил ему также о заявлении дуче, сделанном английскому послу П. Лорейну: «Если англичане заявляют, что они при любых обстоятельствах готовы поддержать Польшу силой оружия, тогда не должно быть ни малейшего сомнения в том, что Италия будет на стороне Германии»⁹⁰. Сказано сильно и определенно, но то были слова. Бывший советник итальянского посольства в Берлине граф М. Маджистрати пишет в своих мемуарах, что под воздействием западных держав и в связи с тем, что в Риме были недовольны политикой Германии в отношении Италии, не исключена была возможность повторения того, что случилось в апреле 1915 г.⁹¹ До перехода Италии на сторону противников Германии на этот раз не дошло, но в июле — августе 1939 г. поведение Италии становилось все более двойственным.

9 июля Чиано сообщил в Берлин: «Намечаемый визит фюрера будет, конечно, весьма благоприятно встречен в Италии. Однако август по различным мотивам нам представляется неприемлемым для организации встречи. Было бы лучше отложить ее до конца сентября и провести на Бреннере или в другом городе Северной Италии. За это время как в Италии, так и в Германии могут быть проведены соответствующие приготовления»⁹². Это была реакция на визит Риттера в Рим. Но дальнейшая позиция правительства Муссолини зависела теперь не только от отношения Германии к итальянским требованиям, но и от поведения западных держав в случае германо-польской войны. Если бы Германии удалось лока-

⁸⁷ *Ibid.*, № 437, p. 334—335.

⁸⁸ The Ciano Diaries, p. 101.

⁸⁹ DGFP, vol. 6, № 717, p. 984.

⁹⁰ *Ibid.*, № 629, p. 874.

⁹¹ M. Magistrati. L'Italia a Berlino (1937—1939). Verona, 1956, p. 373.

⁹² DDI, vol. 12, № 518, p. 389.

лизовать эту войну, то Италия немедленно приступила бы к параллельным захватническим действиям на Балканах, не исключена была также возможность заключения с западными державами «средиземноморского Мюнхена» и сделки с ними за счет Балканских стран. Чиано дал указание итальянскому послу в Германии Аттолико «действовать в соответствии со сказанным выше, если, конечно, серьезные мотивы, связанные с развитием международных событий, не побудят ускорить эту встречу»⁹³.

Через два дня Аттолико обратился в Рим с настойчивым советом не откладывать встречу с 4 августа на более поздний срок. Аттолико указал, что приготовления Германии к войне с Польшей будут завершены до 15 августа, а 10—15 августа будет принято решение быть миру или войне. Поэтому Гитлер настаивает на встрече с Муссолини 4 августа; он, очевидно, собирается проконсультироваться с дуче. Если эта встреча не состоится, тогда Гитлер примет решение самостоятельно. Не следует ожидать нового Мюнхена, в Берлине уверены в том, что Германия быстро разгромит Польшу и что западные державы не помешают этому⁹⁴.

15 июля Аттолико сообщил лично Гитлеру, что Муссолини согласен встретиться с ним 4 августа⁹⁵, но перед этой встречей Муссолини решил выдвинуть ряд предварительных условий. К этому времени в Риме были встревожены деятельностью нацистских агентов в округе Больцано, требовавших присоединения Южного Тироля к Германии. 12 июля министерство внутренних дел Италии запретило иностранным гражданам проживать, а иностранным туристам посещать округ Больцано. Это было сделано для того, чтобы местные итальянские власти могли без свидетелей выдворить нацистов в Германию или переселить их в Калабрию⁹⁶.

В Риме были сильно недовольны также тем, что Германия задолжала Италии по клирингу более 70 млн. марок. В ответ на упоминавшееся выше выступление германского министра экономики В. Функа министр финансов Италии Гуарнери с одобрения Муссолини направил в конце июля в Берлин письмо, в котором указал на то, что после образования «Великой Германии» экспорт итальянских товаров в эту страну значительно возрос, в то же время сократились поставки германских товаров в Италию, в результате Германия задолжала Италии крупную сумму. Германия должна регулярно поставлять в Италию такие товары, в которых она нуждается, а не наводнять итальянский рынок товарами, без которых можно обойтись. Гуарнери отметил, что при заключении договора о союзе между Германией и Италией была достигнута

---

⁹³ DDI, vol. 12, № 518, p. 389.

⁹⁴ *Ibid.*, № 535, p. 401—402.

⁹⁵ *Ibid.*, № 577, p. 433.

⁹⁶ ЦДИА, ф. 176, оп. 7, д. 1034, л. 3—6; DDI, vol. 12, № 541, p. 405; № 553, p. 417—418.

договоренность создать военно-экономическую комиссию, которая должна изучить возможности расширения сотрудничества двух стран в области сельского хозяйства, производства сырья, машин и сбалансированного товарооборота. Гуарнери изъявил желание посетить Германию для того, чтобы обсудить с Функом экономические проблемы, а также договориться о координации экономической политики Германии и Италии в третьих странах и в первую очередь об устранении бесконтрольной конкуренции при покупке и продаже товаров на Балканах⁹⁷.

18 июля Чиано напомнил МИД Германии, что во время визита в Рим в конце мая статс-секретарь министерства авиации Германии генерал Мильх договорился с начальником штаба сухопутных сил генералом Париани о поставке Италии 50 батарей 88-миллиметровых зенитных орудий на сумму 300 млн. лир (40 млн. марок), однако это обязательство все еще не выполнено⁹⁸.

21—22 июля Муссолини, Чиано и вызванный в Рим советник итальянского посольства в Берлине Маджистрати разработали программу переговоров дуче с фюрером. В основу этой программы были положены соглашения, заключенные в Милане 6—7 мая 1939 г. о разграничении между Германией и Италией сфер влияния и меморандум Муссолини от 30 мая 1939 г. Кроме того, выдвигалось предложение обсудить во время предстоящей встречи на Бреннере вопрос о созыве конференции в составе Греции, Италии, Испании, Англии, Франции и Польши. Маджистрати пишет в своих мемуарах, что это предложение было выдвинуто Муссолини после его обсуждения с английским послом П. Лорейном⁹⁹.

22 июля Чиано предложил итальянскому послу в Берлине Аттолико срочно запросить встречу с Риббентропом, где бы он ни находился, при этом указал, что Маджистрати должен присутствовать на встрече посла с Риббентропом. Чиано подчеркнул, что Муссолини придает важное международное значение своей предстоящей встрече с Гитлером на Бреннере¹⁰⁰.

Встреча Аттолико и Маджистрати с Риббентропом состоялась в Зальцбурге 25 июля. Риббентроп отклонил итальянское предложение о созыве конференции шести держав. Он заявил, что Германия и Италия должны идти вместе до конца без всяких колебаний, встречу Гитлера и Муссолини на Бреннере необходимо организовать таким образом, чтобы предотвратить всякие кривотолки. После встречи нужно опубликовать соответствующее коммюнике. В лагере противника наблюдается разброд: англо-франко-советские переговоры зашли в тупик, Англия капитулировала перед

---

⁹⁷ DDI, vol. 12, № 722, p. 541—546.

⁹⁸ *Ibid.*, № 610, p. 461.

⁹⁹ *M. Maggistrati. L'Italia a Berlino*, p. 379—381.

¹⁰⁰ DDI, vol. 12, № 640, p. 481.

Японией ¹⁰¹. Если эти условия не устраивают дуче, то Гитлер согласен отсрочить встречу с ним ¹⁰².

В своих сообщениях в Рим от 1 августа 1939 г. Аттолико и Маджистрати отметили, что в итало-германских переговорах наступила пауза. У Аттолико и Маджистрати сложилось впечатление, что Гитлер собирался при встрече с Муссолини сообщить ему что-то важное и неотложное, поэтому он считал необходимым выяснить итало-германские отношения до 15 августа. Аттолико указал, что Гитлер надеется на то, что германо-польский конфликт будет локализован и Германии придется иметь дело со слабыми противниками — Польшей и, возможно, с Румынией; его мало беспокоит судьба итальянского союзника, которому даже в мирное время отказывают в поставках 50 батарей зенитных орудий. Вряд ли Германия будет лучше снабжать Италию во время войны. Необходимо предупредить Гитлера о том, что Италия не допустит новых сюрпризов со стороны германского союзника. Аттолико обратил также внимание на то, что Гитлера и Риббентропа сильно беспокоят англо-советские переговоры; они опасаются, что Англия еще не сказала своего последнего слова ¹⁰³.

В начале августа фашистская Италия оказалась в сложной ситуации. Ссылаясь на «стальной пакт», гитлеровцы требовали от итальянского союзника поддержки в случае вмешательства западных держав в германо-польский конфликт, с другой стороны, правительства Англии и Франции неоднократно предупреждали Италию о том, что если Италия вступит в войну на стороне Германии, то западные державы нанесут свой первый удар по Италии. 1 августа итальянское посольство в Париже сообщило в Рим, что в результате заключения англо-турецкого и франко-турецкого соглашений, а также предоставления англо-французских гарантий Румынии и Греции позиции западных держав в Средиземном море и на Балканах значительно усилились. Ожидается в скором времени завершение англо-франко-советских переговоров. Стратегия западных союзников состоит в том, чтобы «сопротивляться Германии и наступать на всех фронтах (сухопутном, морском и воздушном; в метрополии и в Северной Африке) против Италии» ¹⁰⁴. Одновременно из Берлина продолжали поступать в Рим многочисленные сведения о том, что Германия готовится в ближайшее время покончить с Польшей ¹⁰⁵. 2 августа итальянский военный атташе

---

¹⁰¹ Риббентроп имел в виду англо-японское соглашение от 22 июля 1939 г. Правительство Чемберлена фактически признало законным захват японскими агрессорами огромной территории Китая. Соглашение было заключено в условиях, когда Япония вела военные действия против советских и монгольских войск в районе реки Халхин-Гол. Заключив соглашение с Японией, правительство Чемберлена оказало политическую поддержку японским агрессорам, воевавшим против СССР и МНР.

¹⁰² DDI, vol. 12, № 678, p. 513; № 687.

¹⁰³ *Ibid.*, № 740, № 743, p. 561.

¹⁰⁴ *Ibid.*, № 745, p. 562—563.

¹⁰⁵ *Ibid.*, № 750, 759, 767.

в Берлине генерал Роатта сообщил начальнику военной разведки генералу Карбони: «В высших сферах считают, что Германия ликвидирует Польшу, не вызывая всеобщей войны... В этом случае необязательно предварительно консультироваться с Италией и предупредить ее»¹⁰⁶.

В этих условиях Муссолини и Чиано решили вместо переговоров на высшем уровне провести встречу министров иностранных дел Германии и Италии, на которой Чиано намеревался доказать Риббентропу «с документами в руках, что развязывание войны в теперешних условиях является безумием»¹⁰⁷. 7 августа Аттолико сообщил статс-секретарю МИД Германии Вейцекеру, что, по мнению Муссолини, целесообразно отложить его встречу с фюрером «до завершения англо-русских переговоров, т. е. до тех пор, пока не станет известно, будет заключен или нет тройственный союз между западными державами и Россией»¹⁰⁸.

Далее Аттолико сообщил Вейцекеру, что дуче считает полезным организовать как можно скорее встречу министров иностранных дел двух держав в Зальцбурге или другом месте для «обсуждения политической ситуации». Эту встречу следует рассматривать как частную, она не должна привлекать внимание прессы. В тот же день Вейцекер сообщил в Рим, что встреча Риббентропа с Чиано состоится в Зальцбурге 11 августа¹⁰⁹.

11 августа, как было условлено ранее, в Зальцбурге состоялась встреча между Риббентропом и Чиано. Риббентроп пытался убедить Чиано в том, что нет основания опасаться превращения германо-польского конфликта в общеевропейскую войну, так как Англия и Франция не подготовлены к войне. Турция не в состоянии предпринять что-либо. Румыния продолжает балансировать, но не предпримет никаких нежелательных для оси действий, так как боится Венгрии и Болгарии. «Ненадежной является Югославия, — сказал Риббентроп. — Но эта страна также очень слаба, Италия может воспользоваться польскими событиями для того, чтобы свести свои счеты с Югославией в Хорватии и Далмации»¹¹⁰. Однако Риббентропу не удалось переубедить Чиано, переговоры были продолжены 12 и 13 августа, на этот раз в них принял участие Гитлер.

Гитлер обратился к Чиано с предложением, чтобы Италия поступила с Югославией так же, как Германия поступит с Польшей¹¹¹. Англия и Франция не подготовлены к войне и ограничатся театральными жестами. Венгрия и Болгария помогут нейтрализовать Румынию, Греция и Югославия не решатся выступить на

¹⁰⁶ DDI, vol. 12, № 750.

¹⁰⁷ The Ciano Diaries, p. 118.

¹⁰⁸ DGFP, vol. 6, № 777, p. 1073.

¹⁰⁹ *Ibid.*, f-n. 1.

¹¹⁰ DDI, vol. 13, № 1, p. 1—2; Ciano's Diplomatic Papers. Ld., 1948, p. 297—298.

¹¹¹ DGFP, vol. 7, p. 55; DDI, vol. 13, № 4.

стороне западных держав, так как боятся Италии. Англо-франко-советские переговоры потерпели фиаско, английская и французская военные миссии посланы в Москву для того, чтобы сгладить провал политических переговоров. Гитлер выразил уверенность в том, что германо-польский конфликт удастся локализовать и Италии не придется вступать в войну на стороне Германии.

Чиано спросил Гитлера, когда намечается начать войну с Польшей? Гитлер ответил, что точного срока пока не установлено, вероятно, в конце августа. Чиано высказал опасение, что германо-польский конфликт может привести к общеевропейской войне. Он указал, что пока Италия не подготовлена к такой войне. Соотношение итальянских войск в Ливии и французских войск в Тунисе один к пяти в пользу Франции. В связи с переходом Турции на сторону западных держав возникла угроза Додеканезским островам. Албания оказалась очень отсталой страной, она может быть превращена в базу для операций на Балканах только через несколько лет. Во время предыдущих переговоров между державами оси имелось в виду, что война с западными державами может возникнуть через два-три года.

Чиано предложил Гитлеру опубликовать совместное итало-германское коммюнике, в котором указывалось бы на возможность разрешения германо-польского конфликта мирным путем. Однако Гитлер отклонил это предложение, он вновь заявил о своем твердом намерении сокрушить Польшу в ближайшее время¹¹².

Поскольку отсутствие официального коммюнике о зальцбургских переговорах могло вызвать в странах оси и за рубежом сомнения в солидарности партнеров по «стальному пакту», гитлеровцы решили без ведома и согласия Чиано опубликовать свое, одностороннее сообщение об этих переговорах. Через несколько часов после отъезда Чиано из Зальцбурга германское агентство «Дойче нахрихтен бюро» (ДНБ) опубликовало в Берлине сообщение, в котором указывалось, что переговоры проходили в полном соответствии с пактом о союзе между Германией и Италией и что во время этих переговоров выявилось полное совпадение взглядов во всех областях. На следующий день, 14 августа 1939 г., сообщение ДНБ было опубликовано в центральном органе нацистской партии «Фелькишер беобахтер» и в органе МИД Германии «Дойче дипломатише корреспонденц».

В своем донесении в Рим Аттолико отметил, что с помощью такого «коммюнике» Гитлер и Риббентроп рассчитывают связать руки Италии и в случае необходимости заставить ее выполнить обязательства, вытекающие из договора о союзе, включая статью 3-ю. В Зальцбурге они уверяли Чиано в том, что германо-польский конфликт будет локализован и что Германия не нуждается в поддержке Италии, а через шесть часов после окончания зальцбургских переговоров ДНБ сообщило, что Германия пользуется пол-

---

¹¹² DDI, vol. 13, № 21.

ной поддержкой итальянского союзника. Немцы стремятся истолковать зальцбургские переговоры как первый шаг к применению пакта, они не консультировались с итальянским союзником, как это предусмотрено в статьях 1-й и 2-й пакта о союзе. Переговоры в Зальцбурге состоялись по итальянской инициативе, а немцы придали им двусмысленный характер. Чиано четко заявил Риббентропу, что европейская война является в настоящее время опасной для держав оси. Немцы не только игнорировали это заявление, но с помощью «коммунике» они пытались внушить общественному мнению своей страны и за рубежом, что обе державы оси абсолютно солидарны в отношении как целей своей политики, так и средств их осуществления. Италия не должна приспосабливаться к германской игре. Если Германия начнет войну с Польшей, то она неизбежно превратится в общеевропейскую войну, которая не сулит реальных выгод Италии. Итальянское правительство должно разъяснить германскому союзнику, что в случае войны между Германией и западными державами нейтральная Италия будет связывать крупные силы западных держав. Если бы Италии удалось создать блок с участием Испании, Венгрии и Югославии, то Германия смогла бы извлечь из этого немалую пользу для себя¹¹³.

Сообщение ДНБ о зальцбургских переговорах является яркой иллюстрацией бесцеремонного обращения гитлеровцев со своим итальянским союзником. Переговоры в Зальцбурге вскрыли серьезный кризис в отношениях между двумя партнерами по «стальному пакту», Муссолини оказался перед дилеммой: сохранить ли военный союз с Германией или перейти к проведению политики «священного эгоизма». В течение десяти дней после зальцбургских переговоров внешнеполитический курс правительства Муссолини был крайне противоречивым и непоследовательным. Заслушав 15 августа отчет Чиано о переговорах в Зальцбурге, Муссолини сначала одобрил его позицию, но затем заявил, что «чувство чести заставляет его выступить вместе с Германией. Наконец, он стал утверждать, что хочет получить свою часть добычи в Хорватии и Далмации»¹¹⁴. Честь тут была ни при чем, суть заключалась в том, что Муссолини стремился в период германо-польской войны урвать свою долю на Балканах. После беседы с Муссолини Чиано записал в своем дневнике: «Надо найти решение, которое позволило бы: а) если демократии атакуют, «не теряя чести» оторваться от Германии; б) если демократии «проглотят пилюлю», воспользоваться случаем, чтобы раз навсегда свести счеты с Югославией»¹¹⁵.

16 августа Муссолини направил начальнику генерального штаба итальянских вооруженных сил маршалу Бадольо директиву, в которой говорилось:

---

¹¹³ DDI, vol. 13, № 36.

¹¹⁴ Г. С. Филатов. Крах итальянского фашизма. М., 1973, стр. 121.

¹¹⁵ Там же.

1) Италия не должна делать никаких приготовлений, которые могут означать, что она поддержит германскую инициативу;

2) если Италия подвергнется нападению, то она должна обеспечить неприкосновенность своих границ и в короткий срок подготовиться к наступлению против Греции;

3) если позволит ситуация, Италия должна захватить Хорватию;

4) штабы трех родов войск должны немедленно приступить к изучению наступательных операций против Греции и Югославии¹¹⁶.

Таким образом, через три дня после зальцбургских переговоров Муссолини дал указание руководителям итальянских вооруженных сил начать подготовку к «параллельной войне» на Балканах.

Однако осуществление этих захватнических планов в значительной мере зависело от позиции противников держав оси. Во второй декаде августа наряду с донесениями итальянского военного атташе в Берлине генерала Роатта о том, что Германия завершает подготовку нападения на Польшу, в Рим поступали сообщения итальянских дипломатов о неизбежности превращения германо-польского конфликта в европейскую войну¹¹⁷. 17 августа английский посол в Риме П. Лорейн предупредил Чиано, что в случае германо-польской войны Англия поддержит Польшу. Он выразил сожаление по случаю того, что впервые в истории Англия может быть вовлечена в войну против Италии¹¹⁸. До конца второй декады августа Муссолини считал, что Гитлер может без помех со стороны западных держав сделать «хороший бизнес», причем сам Муссолини не желал быть исключенным из этого «бизнеса»¹¹⁹, т. е. рассчитывал в период германо-польской войны поживиться за счет Греции и Югославии.

С 20 августа под нажимом Англии позиция Муссолини изменилась. В этот день П. Лорейн передал Муссолини письмо лорда Галифакса с предупреждением, что в случае германо-польского конфликта западные державы поддержат Польшу¹²⁰. Судя по записям в дневнике Чиано, Галифакс обратился к Муссолини с просьбой воздействовать на Гитлера, и Муссолини обещал английскому послу обратиться к Гитлеру с предложением возобновить переговоры с Англией¹²¹. В тот же день Муссолини, Чиано и находившийся в Риме Аттолико составили проект послания Гитлеру, в котором, ссылаясь на только что полученное письмо Галифакса, обратили его внимание на опасность перерастания германо-

¹¹⁶ В. И. Михайленко. Политика держав «оси Рим — Берлин» в Юго-Восточной Европе от заключения «стального пакта» до вступления Италии в войну (май 1939 — июнь 1940 гг.). Канд. дис. Свердловск, 1974, стр. 66.

¹¹⁷ DDI, vol. 13, № 9, 10, 45, 48, 57, 67.

¹¹⁸ *Ibid.*, № 82; The Ciano Diaries, p. 123.

¹¹⁹ The Ciano Diaries, p. 123.

¹²⁰ DDI, vol. 13, № 117, p. 80.

¹²¹ The Ciano Diaries, p. 123. П. Лорейн сообщил 23 августа Чиано, что Чемберлен направил Гитлеру письмо, в котором изложены английские предложения. — См.: *Ibid.*, p. 339.

польского конфликта в европейскую войну. В послании говорилось, что Италия не сможет принять участия в такой войне. Муссолини снова обратился к Гитлеру с предложением созвать конференцию шести держав ¹²².

С 17 по 22 августа Риббентроп несколько раз предлагал Чиано встретиться с ним в Фушле или Инсбруке. Он сообщил 18 августа, что решение о войне с Польшей уже принято и что в ближайшие дни необходимо поддерживать постоянный контакт между руководителями держав оси ¹²³. Однако Муссолини и Чиано решили занять пока выжидательную позицию, вместе с тем они считали необходимым, чтобы итальянские вооруженные силы продолжали подготовку к оккупации Хорватии и Далмации ¹²⁴.

С 20 по 22 августа П. Лорейн неоднократно сообщал в Лондон, что в связи с обострением итало-германских и германо-венгерских противоречий появилась возможность удержать Италию от вступления в войну на стороне Германии; он предупредил лорда Галифакса о том, что всякое проникновение в печать поступивших от него сообщений о позиции Италии повлечет «фатальные последствия» ¹²⁵.

Обострение империалистических противоречий между державами «оси Берлин — Рим» и англо-французским блоком, с одной стороны, и усиление итало-германского соперничества в Юго-Восточной Европе, с другой, сказалось на позиции Венгрии и Болгарии. Серьезное влияние на внешнюю политику хортистской Венгрии оказала с конца июня до начала войны английская дипломатия. 24 июня 1939 г. венгерский посланник в Берлине Стоян сообщил своему правительству, что английский посол Гендерсон осудил «постоянные и все усиливающиеся провокации, которыми поляки раздражают немцев и которые почти создают впечатление, будто они хотят развязать вооруженное столкновение и в связи с этим еще больший европейский конфликт». Английский посол похвалил венгерское правительство за то, что оно проводит политику дружбы с Германией, но занимает по отношению к ней самостоятельную и независимую позицию, и высказал пожелание, чтобы Венгрия оказала воздействие на Польшу, поскольку между ними дружественные отношения ¹²⁶.

Гендерсон не случайно заявил венгерскому посланнику, что вооруженное столкновение между Германией и Польшей может привести к европейскому конфликту: в Будапеште, как и в Риме, боялись большой войны. Венгерский министр иностранных дел Чаки направил в Варшаву телеграмму, в которой говорилось: «В случае изолированного германо-польского конфликта Венгрия будет соблюдать доброжелательный нейтралитет по отношению к

¹²² DDI, vol. 13, № 123, p. 83.

¹²³ *Ibid.*, № 87.

¹²⁴ The Ciano Diaries, p. 126.

¹²⁵ DBFP, vol. 7, № 71, p. 72; № 86, p. 84; № 160, p. 139—140.

¹²⁶ Венгрия и вторая мировая война. М., 1962, стр. 175—176.

обеим странам. Если германо-польский конфликт неожиданно перерастет в мировую войну, то Венгрия оставляет за собой право полной свободы рук. Но она ни при каких обстоятельствах не поднимет оружия против Польши»¹²⁷.

Позиция хортистской Венгрии была близка к позиции фашистской Италии, но хортисты готовились в период германо-польского конфликта приступить вместе с фашистской Италией к осуществлению своих захватнических планов. 28 июня правительство Телеки направило в Берлин и Рим меморандум, в котором предлагало обсудить между Германией, Италией и Венгрией вопрос о том, какое венгерское сырье и другие товары понадобятся державам оси в случае возникновения войны. «Германскому рейху известно, — говорилось в меморандуме, — что Венгрия связана с Италией узами тесной дружбы, в результате которой мы взяли на себя некоторые экономические обязательства по отношению к Риму несколько лет назад...»¹²⁸.

Верховное командование вермахта выступило против допуска Венгрии к участию в работе итало-германской военно-экономической комиссии, ссылаясь на то, что надо вначале обсудить военно-экономические вопросы с генералом Каваллеро. После возвращения из Рима посол Риттер заявил венгерскому посланнику Стояи: «Мы должны исходить из того ясного и очевидного принципа, что Венгрия со всем ее экономическим потенциалом в любом случае будет помогать Германии...»¹²⁹.

24 июля, т. е. через два дня после обращения Муссолини к Гитлеру, венгерский премьер-министр Телеки направил Гитлеру два письма, в первом из них он обещал в случае всеобщего конфликта согласовать политику Венгрии с политикой оси, но это обещание не было безоговорочным, в письме подчеркивалось, что «проведение этой политики ни в коем случае не должно наносить ущерб нашему суверенитету»¹³⁰. Это означало, что немецкие войска не будут пропущены через венгерскую территорию. Телеки вновь поднял вопрос о необходимости согласовать политику Венгрии и Германии, для этого он предложил как можно скорее выделить из состава смешанной германо-итальянской комиссии «такой орган, с которым... в трехстороннем порядке могли бы обсудить те проблемы, которые вытекают из задачи самого тесного сотрудничества трех держав»¹³¹.

Во втором письме Телеки предупредил, «что Венгрия, если не произойдет серьезного изменения нынешних обстоятельств, не в состоянии по соображениям морального порядка начать военные действия против Польши»¹³². Есть основание полагать, что письма

¹²⁷ Венгрия и вторая мировая война, стр. 177.

¹²⁸ DGFP, vol. 6, № 578, p. 803—804.

¹²⁹ *Ibid.*, № 706.

¹³⁰ Венгрия и вторая мировая война, № 99, стр. 178.

¹³¹ Там же.

¹³² Там же, № 100, стр. 178.

Телеки к Гитлеру были предварительно согласованы с Римом, 22 июля итальянский посланник в Будапеште Винчи сообщил Чиано, что Телеки долго совещался с венгерским военным атташе в Италии Л. Сабо, прибывшим в Будапешт, после чего Телеки информировал «по всем вопросам» регента Хорти. Полковнику Л. Сабо было дано указание продолжать консультации в Риме¹³³. Итальянский посол в Германии Аттолико сообщил в Рим, что требование Телеки о допуске венгерских представителей к участию в итало-германских переговорах и отказ участвовать в возможной войне с Польшей вызвали возмущение в Берлине. «Венгерскую позицию называют недостойной,— писал он,— ее сравнивают с позицией крысы, покидающей корабль в минуту опасности»¹³⁴.

Немаловажную роль в ослаблении связей между Будапештом и Берлином сыграла английская дипломатия. 24 июля венгерский посланник в Англии Д. Барца сообщил в Будапешт, что правительство Чемберлена преследует в своей внешней политике двойственную цель: «Первая — «фронт мира», организованный после захвата немцами Праги, как барьер на пути дальнейшей германской экспансии, а также военная, дипломатическая, экономическая и социальная подготовка Англии на случай войны. Вторая цель — поиски возможностей для соглашения с немцами и их умиротворения»¹³⁵.

8 августа в Берхтесгадене состоялась встреча Гитлера с венгерским министром иностранных дел Чаки. Гитлер выразил ему недовольство письмами Телеки от 24 июля: он уверял венгерского министра в том, что не собирается втягивать Венгрию в германо-польский конфликт, вместе с тем подчеркнул, что не только осуществление дальнейших венгерских территориальных требований, но само существование Венгрии будет зависеть от успехов или неудач Германии. Под нажимом Гитлера Чаки согласился признать оба письма Телеки от 24 июля недействительными¹³⁶. Гитлер потребовал от венгерского правительства предоставления в распоряжение Германии экономических ресурсов и железных дорог Венгрии. Главнокомандующий германскими сухопутными силами генерал Браухич предложил венгерскому генеральному штабу сосредоточить на венгеро-румынской границе 250 тыс. человек и выделить в распоряжение германского командования несколько венгерских дивизий¹³⁷.

Английский нажим, с одной стороны, и неудачный исход зальцбургских переговоров, с другой, привели к тому, что правительство Телеки вновь решило в середине августа занять нейтральную позицию в германо-польском конфликте¹³⁸.

¹³³ DDI, vol. 12, № 644, p. 483.

¹³⁴ *Ibid.*, № 660, p. 496.

¹³⁵ Венгрия и вторая мировая война, № 101, стр. 179.

¹³⁶ DGFP, vol. 6, № 784, p. 1093—1094, 1100.

¹³⁷ DBFP, vol. 7, № 95, p. 92—93; № 162, p. 140—141.

¹³⁸ А. И. Пушкаш. Венгрия в годы второй мировой войны. М., 1966, стр. 97.

В конце июня — начале июля 1939 г. в Берлине стали опасаться, что Англия, Франция и Турция готовятся к практической реализации статьи 6-й англо-турецкой и франко-турецкой декларации. В качестве компромисса министр иностранных дел Югославии Цинцар-Маркович выдвинул план превращения четырех придунайских стран — Болгарии, Венгрии, Румынии и Югославии в буферную зону между сферами влияния держав «оси Берлин — Рим» и владениями Англии и Франции на Ближнем Востоке. Германия и Италия могли получать из этой зоны сырье и продовольствие, но в политическом отношении она должна была оставаться нейтральной. Обе державы оси выступили против этого плана. Статс-секретарь германского МИД Вейцзекер поручил германскому посланнику в Белграде Герену довести до сведения югославского правительства, что блок четырех стран будет представлять для Германии интерес только в том случае, если будет покончено с Балканской Антантой в ее старой форме, т. е. если Турция и Греция, связанные с западными странами, покинут ее¹³⁹. В Риме оценили югославский план как попытку оторвать Венгрию от оси, изолировать Болгарию, превратить балканский блок с участием Болгарии и Венгрии в преграду на пути «естественного» расширения влияния держав оси на Балканах¹⁴⁰.

Германское правительство стремилось не допустить включения Болгарии в состав Балканской Антанты. 24 июня, т. е. на следующий день после заключения франко-турецкой декларации, болгарский министр финансов Божилов и заместитель заведующего отделом экономической политики МИД Германии Клодиус подписали в Берлине секретный протокол о предоставлении Болгарии чехословацкого оружия на сумму 25 млн. марок и авиационных материалов на 10 млн. марок. Болгарское правительство обязалось оплатить стоимость оружия поставками свинца и цинка с Пиринских рудников и согласилось предоставить германским фирмам право на разведку и разработку новых месторождений полезных ископаемых в Болгарии¹⁴¹.

С 5 по 7 июля состоялся визит болгарского премьер-министра Г. Кыосеиванова в Берлин, во время которого Гитлер потребовал присоединения Болгарии к «оси Берлин — Рим», предложил болгарскому премьер-министру обсудить следующие вопросы: 1) откуда и какая опасность угрожает Болгарии; 2) в каком оружии нуждается Болгария; 3) какой тактики будет придерживаться Болгария в защите своих границ и на какую помощь извне рассчитывает Болгария; 4) какие цели будет преследовать Болгария в случае войны. Однако Кыосеиванов уклонился от обсуждения этих вопросов. «Хотя никаких договорных соглашений политического характера с Германией не существует,— сказал болгарский пре-

¹³⁹ DGFP, vol. 6, № 598, p. 823.

¹⁴⁰ ЦДИА, ф. 176, оп. 7, д. 570, л. 198—199; д. 719, л. 13; DDI, vol. 12, № 423.

¹⁴¹ DGFP, vol. 6, № 566, p. 785—786.

мьер-министр,—соседние страны знают, что Болгария является естественным союзником Германии, и в случае конфликта постараются совершить нападение на Болгарию прежде, чем Германия успеет оказать ей эффективную помощь»¹⁴². Кьосеиванов обратился к Гитлеру с просьбой срочно передать Болгарии 1—2 тыс. пулеметов и 30—40 чехословацких танков. Гитлер пообещал удовлетворить эту просьбу, но дал понять, что если Болгария станет лавировать между осью и западными державами, то не получит оружия¹⁴³.

На обратном пути из Берлина в Софию Кьосеиванов имел 9—10 июля в Бледе встречу с югославским министром иностранных дел Цинцар-Марковичем, после которой было опубликовано следующее коммюнике: «1. Интересы Болгарии и Югославии побуждают углубить политику сотрудничества между двумя странами в духе пакта о вечной дружбе; 2. В интересах двух стран необходимо в ближайшее время добиться как можно более тесного экономического сближения; 3. Политика независимости и нейтралитета наилучшим образом отвечает интересам Болгарии и Югославии, а также миру на Балканах; 4. Необходимо, чтобы оба правительства продолжали политику добрых и дружественных отношений со всеми своими соседями»¹⁴⁴.

Бледское коммюнике как будто свидетельствовало о желании правительств Болгарии и Югославии проводить политику дружбы между двумя странами, нейтралитета и дружественных отношений со всеми соседними странами, но выполнение этого желания зависело не только от этих двух стран. Летом 1939 г. страны Юго-Восточной Европы оказались под натиском двух противостоящих империалистических блоков, к тому же не было искренности во взаимоотношениях участников переговоров в Бледе. Кьосеиванову не удалось выяснить, какую позицию займет Югославия, если Болгария подвергнется нападению со стороны остальных держав Балканской Антанты¹⁴⁵.

В середине июля болгарское правительство обратилось в Берлин с просьбой ускорить отправку оружия в Болгарию, при этом оно сослалось на то, что Румыния и Турция готовятся оккупировать восточную часть Болгарии для обеспечения сухопутных коммуникаций между двумя странами. Царь Борис заявил прибывшему в Софию Клодиусу, что в случае удовлетворения болгарских требований на получение выхода к Эгейскому морю Германия и Италия могут использовать Дедеагач в качестве своей военно-морской базы¹⁴⁶.

Летом 1939 г. гитлеровцы разжигали территориальные споры между Болгарией и странами Балканской Антанты в своих инте-

¹⁴² *Ibid.*, № 617, p. 850—852.

¹⁴³ *Ibid.*, p. 850.

¹⁴⁴ ЦДИА, ф. 176, оп. 8, д. 850, л. 56.

¹⁴⁵ J. B. Hoptner. Yugoslavia in crisis 1934—1941, p. 159.

¹⁴⁶ DGFP, vol. 6, № 656, p. 905; № 673, p. 925.

ресах. Во время визита болгарского премьер-министра в Берлин в германских газетах появились статьи, в которых высказывалось сочувствие болгарским требованиям о возвращении Южной Добруджи. В это время Клодиус вел переговоры в Бухаресте об обмене германского оружия на румынскую нефть. Как только румынское правительство подписало 8 июля секретное соглашение о поставках в Германию нефти в обмен на оружие на сумму 18 млн. марок, германское МИД сообщило в Бухарест, что появившиеся в германских газетах статьи по добруджанскому вопросу не отражают официальной точки зрения¹⁴⁷. Фактически румынскому правительству было дано понять, что оно может отвергнуть болгарские требования.

В конце июня в Берлине были получены сведения о том, что западные страны намерены предоставить Балканским странам оружие в кредит. Германия решила опередить Англию и Францию. 5 июля германский посланник в Белграде Герен и югославский министр иностранных дел Цинцар-Маркович подписали секретный протокол о поставке Югославии германского оружия, самолетов и военных материалов на 200 млн. марок¹⁴⁸. Однако гитлеровцам не удалось привязать Югославию к оси.

В середине июля югославский регент принц Павел посетил Париж и Лондон. После встречи с ним лорд Галифакс пришел к выводу, что Югославия не возражает больше против распространения действия англо-турецкого соглашения на Балканы. Изменилась и позиция Югославии по отношению к Болгарии, принц Павел категорически возражал против предоставления Болгарии выхода к Эгейскому морю и обещал также помочь Румынии, если Болгария совершит против нее какое-либо враждебное действие¹⁴⁹.

Военные приготовления в странах Балканской Антанты и изменение позиции Югославии сильно встревожили правительство Болгарии. Почти одновременно с поездкой принца Павла в Лондон и Париж отправился председатель болгарского парламента Ст. Мошанов. Во время встречи с лордом Галифаксом Мошанов обратил внимание на концентрацию турецких войск у болгарских границ. Галифакс заявил в ответ, что у Турции нет каких-либо враждебных намерений против Болгарии, турецкое правительство желает, чтобы между Балканской Антантой и Болгарией установились тесные отношения¹⁵⁰. Болгарское правительство пыталось отмежеваться от действий Ст. Мошанова. Кюсеиванов просил германского посланника не придавать большого значения визиту Ст. Мошанова в Лондон и Париж, в Софии даже было опубликовано официальное сообщение о том, что Ст. Мошанов предпринял поездку по своему усмотрению¹⁵¹, но Форин Оффис сообщил прин-

¹⁴⁷ DGFP, vol. 6, № 632, p. 880; № 683, p. 885; № 639, p. 886; № 651, p. 899.

¹⁴⁸ *Ibid.*, № 620, p. 860—862; vol. 7, № 102, p. 110.

¹⁴⁹ *Z. Avramovski. Sukob interesa Velike Britanije i Nemacke...*, -tr. 103.

¹⁵⁰ DBFP, vol. 6, N 393, p. 437—439.

¹⁵¹ История на България, т. 3. София, 1964, стр. 353.

цу-регенту Павлу, что Ст. Мошанов посетил Лондон по поручению царя Бориса¹⁵². После возвращения из Берлина премьер-министр Кыосеиванов заявил английскому посланнику в Софии Ренделу, что в случае войны Болгария займет позицию нейтралитета¹⁵³. Болгарские правящие круги не отказались от территориальных претензий к странам Балканской Антанты, но в связи с неподготовленностью Болгарии к войне и ввиду того, что ни одна из империалистических группировок не поддерживала их территориальных требований, они продолжали придерживаться летом 1939 г. выжидательной позиции.

22 июля по указанию Гитлера ОКВ запретило или ограничило поставки германского оружия в кредит странам, «принявшим участие в английской политике окружения Германии». Румыния могла получать оружие только в обмен на нефть¹⁵⁴. Румынское правительство ответило на это запрещением поставок румынской нефти в счет клиринга, в румынском заявлении указывалось на то, что Германия уже получила то количество нефти, которое Румыния должна была поставить ей в счет клиринга¹⁵⁵. Германский посланник в Бухаресте рекомендовал своему правительству увеличить закупки румынской нефти через «протекторат Богемия и Моравия», так как на него запрет не распространялся. В Бухарест были срочно направлены представители авиационных фирм «Юнкерс» и «Хейнкель» для переговоров о поставке Румынии военных самолетов в обмен на нефть. Заведующий экономическим отделом МИД Германии Виль сообщил германскому посланнику в Бухаресте, что в целях увеличения поставок румынской нефти в Германию решено, если потребуются, затратить иностранную валюту¹⁵⁶. В результате германо-румынских переговоров 19 августа удалось договориться о возобновлении поставок румынской нефти в обмен на германские самолеты и чехословацкое оружие. Румынское правительство согласилось уплатить иностранным нефтяным компаниям за нефть, предназначавшуюся Германии, 5,5 млн. марок, в свою очередь германское правительство обещало передать Румынии 29 бомбардировщиков и снять запрет на поставки оружия в Румынию из протектората¹⁵⁷.

ОКВ ввело запрет на поставки оружия в Югославию, хотя эта страна не получила английской гарантии. 16 августа югославский посланник в Берлине Андрич обратил внимание статс-секретаря МИД Германии Вейцзекера на то, что германские авиационные фирмы уклоняются от оформления контрактов на поставку Югославии самолетов в счет недавно подписанного соглашения о предоставлении ей германского кредита в сумме 200 млн. марок. На следующую

---

¹⁵² Z. Avramovski. Sukob interesa Velike Britanije i Nemacke..., str. 144.

¹⁵³ DBFP, vol. 7, № 330, p. 344.

¹⁵⁴ DGFP, vol. 6, № 703, p. 958—961.

¹⁵⁵ "The Times", 18. VIII, 1939.

¹⁵⁶ DGFP, vol. 7, № 77, p. 86; № 94, p. 103—104.

¹⁵⁷ Ibid., № 127, p. 136; № 162, p. 170; № 230, p. 247—248.

щий день по указанию Геринга германское министерство авиации сообщило югославскому военному атташе, что поставки Югославии германских самолетов могут быть возобновлены лишь после «выяснения некоторых вопросов»¹⁵⁸. Гитлеровцев интересовал прежде всего вопрос о позиции Югославии в случае возникновения войны между Германией и западными державами. 18 августа начальник югославского генерального штаба генерал Симович заявил германскому военному атташе в Белграде, что Югославия не позволит толкнуть себя в «английский вагон», как это случилось с другими странами. В случае возникновения войны правительство Югославии заявит о нейтралитете, но если итальянская армия попытается проложить себе путь к Салоникам через югославскую территорию, то Югославия будет защищать свой нейтралитет¹⁵⁹. Это заверение вполне устраивало Геринга, поэтому он дал согласие на поставку самолетов и оружия Югославии, в частности, дал указание отправить в Югославию 124 зенитных орудия с заводов Шкода, ранее предназначавшихся для Италии. Взамен этого Геринг потребовал, чтобы правительство Югославии передало Германии разработку югославских месторождений нефти и использовало возникшую на английских свинцово-цинковых рудниках в Трепче забастовку рабочих в качестве удобного предлога для установления государственного контроля. Геринг обещал взять всю продукцию, производившуюся на этих рудниках. На прицеле у гитлеровцев была также французская компания «Мин де Бор», за ее деятельностью внимательно следил ставленник Геринга генеральный консул в Белграде Франц Нейхаузен. Югославское правительство согласилось передать Германии разработку месторождений нефти, но не решилось пойти на установление своего контроля над английскими и французскими предприятиями по добыче свинца, цинка и меди¹⁶⁰, так как это привело бы к возникновению конфликта между Югославией и англо-французским блоком. Все же гитлеровцам удалось договориться с правительством Югославии об обмене германского оружия на югославские цветные металлы.

Наибольшие осложнения летом 1939 г. возникли между Германией и Турцией. В первой половине 1939 г. на долю Германии приходилось 49,23% турецкого экспорта и на долю протектората — 3,47, импорт из Германии составил 53,31% и из протектората — 1,89. В июле и августе произошло резкое сокращение товарооборота между Германией и Турцией. Гитлеровцы пытались посредством сокращения торговли с Турцией удержать ее от окончательного перехода на сторону англо-французского блока. За две недели до германского вторжения в Польшу МИД Германии обратился в Анкару с предложением продлить срок действия германо-турецкого торгового и платежного соглашений на месяц, обещая

¹⁵⁸ DGFP, vol. 7, № 81, p. 92; № 102, p. 110.

¹⁵⁹ *Ibid.*, № 112, p. 120.

¹⁶⁰ *Ibid.*, № 240, p. 256; № 241, p. 257; № 274, p. 288; № 318, p. 323.

возобновить поставки германского оружия Турции в том случае, если она пойдет «на достаточные уступки». Правительство Турции сочло это условие неприемлемым, 20 августа уведомив Берлин, что в случае отмены поставок германского оружия в Турцию будет полностью прекращена отправка хромовой руды в Германию. 21 августа, после личного доклада германского посла в Турции Папена, Гитлер согласился на возобновление поставок некоторых видов оружия в Турцию¹⁶¹. Папен договорился с турецким министром иностранных дел Ш. Сараджоглу о продлении на месяц срока действия германо-турецкого торгового договора. Гитлеровцы рассчитывали на то, что после разгрома Польши все страны Балканской Антанты, в том числе Турция, изменят свой внешнеполитический курс¹⁶². Гитлер и ОКВ считали, что английская экономическая блокада бесперспективна, так как Германия может использовать ресурсы стран Дунайского бассейна¹⁶³.

После заключения франко-турецкой декларации в Лондоне развернулась подготовка ко второму, решающему туру переговоров с Германией. Гитлеровцы имели довольно точное представление об английской двойной игре. 24 июня германский посол в Лондоне Дирксен сообщил в Берлин, что правительство Чемберлена использует переговоры с СССР и другими странами как прикрытие для будущих более серьезных переговоров с Германией. «Растет убеждение, — писал он, — что создание неагрессивного фронта должно служить лишь основанием и предпосылкой для конструктивной политики в отношении Германии»¹⁶⁴. Дирксен отметил, что по расчетам англичан появление новых союзников и рост военного потенциала Англии и Франции дадут им возможность вести переговоры с Германией с более прочных позиций, чем в Мюнхене или в марте 1939 г., отражением этой тенденции и явилась речь лорда Галифакса в палате лордов 8 июня 1939 г.¹⁶⁵ Летом 1939 г. правительство Англии было готово прекратить англо-франко-советские переговоры, если бы в англо-германских отношениях наметился сдвиг в лучшую сторону¹⁶⁶.

Подобные настроения были характерны и для правящих кругов Франции. 24 июня 1939 г. посольство США в Париже сообщило в Вашингтон, что влиятельные круги Франции по-прежнему выступают за соглашение с Германией, на этот раз за счет Польши. По их мнению, «в конечном счете Франция должна отказаться от Центральной и Восточной Европы в пользу Германии в надежде на то, что в конце концов Германия окажется в состоянии войны с Советским Союзом»¹⁶⁷.

¹⁶¹ DGFP, vol. 7, № 80, p. 91; № 141; p. 156; № 219, p. 233—234.

¹⁶² *Ibid.*, № 393, p. 389—391; № 406, p. 401—402.

¹⁶³ Ф. Гальдер. Военный дневник, т. I. М., 1968, стр. 56.

¹⁶⁴ DGFP, vol. 6, № 564, p. 780—783.

¹⁶⁵ *Ibid.*, p. 782.

¹⁶⁶ *Ibid.*, № 572, p. 797; DBFP, vol. 6, p. 332, 423.

¹⁶⁷ FRUS, 1939, vol. 1, p. 193—194.

С 18 по 21 июля в Лондоне состоялись секретные англо-германские переговоры. С германской стороны в них приняли участие особоуполномоченный ведомства «четырёхлетнего плана» Гельмут Вольтат, доверенное лицо Геринга, и германский посол в Лондоне Г. фон Дирксен, с английской стороны в переговорах участвовали советник премьер-министра Чемберлена Хорас Вильсон, министр заморской торговли Роберт Хадсон и директор исследовательского департамента правящей консервативной партии Джозеф Болл. В своем отчете Герингу Вольтат отметил, что переговоры состоялись по инициативе английских джентльменов.

Вольтат отметил в начале переговоров, что в последнее время англо-германские отношения несколько улучшились, вместо политики окружения Германии и антигерманской кампании британской прессы со стороны англичан наметился конструктивный подход к решению возникших проблем, речи Чемберлена и лорда Галифакса могут рассматриваться в качестве основы для англо-германских дискуссий, хотя в Лондоне все еще рассматривают проблему англо-германских отношений с точки зрения сохранения в Европе «равновесия сил».

Х. Вильсон заметил, что после Мюнхена в Берлине создалось впечатление, что Англия не подготовлена к борьбе, в известной мере это было верно, но к настоящему времени произошло заметное усиление английских военно-воздушных и военно-морских сил. Х. Вильсон подчеркнул, что Англия готова вести переговоры с Германией как с равным партнером, и указал, что будет вести переговоры на основе меморандума, одобренного премьер-министром Н. Чемберленом, где учтены пожелания, высказанные в речи Гитлера от 28 апреля. Английская сторона рассматривает предстоящие переговоры с Германией не в качестве политического маневра, а подходит к ним как к серьезному делу. Если переговоры окажутся безрезультатными, то Англия и ее империя будут вынуждены отстаивать свои позиции с оружием в руках. После этого вступления Х. Вильсон предложил Вольтату изложить германскую точку зрения. Вольтат заявил в ответ, что он выступает в качестве неофициального лица и может вести только предварительные переговоры¹⁶⁸.

Х. Вильсон сообщил Вольтату детально разработанный проект соглашения по политическим, военным и экономическим вопросам. Он предложил заключить между Германией и Англией политическое соглашение, которое должно было определить не только отношения между двумя странами, но и их отношение к третьим странам. Вильсон пояснил, что вначале нужно договориться между Германией и Англией, а затем можно будет привлекать к соглашению Италию и Францию. Англия не будет вмешиваться в дела «Великой Германии», а Германия в свою очередь — в дела Британской империи. Англия согласна признать особые права Герма-

---

¹⁶⁸ DGFP, vol. 6, № 716, p. 977—980.

нии в Восточной и Юго-Восточной Европе и рассмотреть колониальный вопрос в духе фундаментальной ревизии Версальского договора. В военной области предусматривалось заключение соглашения о соотношении военно-морских, военно-воздушных и сухопутных сил двух держав с учетом интересов Британской империи и «Великой Германии». В экономической области предлагалось определить общую политику относительно снабжения обеих стран сырьем и продовольствием, а также разграничить рынки сбыта для германских и английских промышленных товаров¹⁶⁹.

Хадсон предложил обсудить вопрос о превращении Африки в совместное владение европейских колониальных держав, указал на готовность Англии признать Восточную и Юго-Восточную Европу сферой германских интересов при том условии, если Германия будет уважать в этих регионах английские интересы. Англия соглашалась обсудить вопрос о предоставлении рейхсбанку займа в сумме 1 млрд. ф. ст. Хадсон и Вильсон несколько раз заявляли, что в случае заключения соглашения между Англией и Германией английские гарантии Польше и Румынии потеряют значение.

Вольтат поинтересовался, одобрен ли меморандум английским правительством. Х. Вильсон ответил, что он обсуждался влиятельными членами английского кабинета, но окончательное решение еще не принято. Вольтат заметил, что урегулирование колониальной проблемы должно предшествовать решению других вопросов, поднятых Х. Вильсоном и Хадсоном.

Переговоры между Германией и Англией, по словам Вольтата, должны состояться после выступления Чемберлена в качестве лидера консервативной партии перед избирателями с изложением своей программы.

Дж. Болл сообщил Вольтату, что дата парламентских выборов перенесена на 14 ноября, и выразил уверенность в том, что консерваторы победят на выборах и останутся у власти на следующие пять лет. Х. Вильсон заявил в заключение: «Если фюрер согласится на переговоры, то это будет рассматриваться как сигнал возрождения доверия»¹⁷⁰.

В своем сообщении о переговорах Вольтата в Лондоне Дирксен писал: «Мы могли установить, что наблюдавшиеся до сих пор тенденции общего характера выкристаллизовались в план, основанный преимущественно на хозяйственно-политических предпосылках, который был выработан или, по крайней мере, одобрен Чемберленом»¹⁷¹. Гитлеровцы не собирались вступать в переговоры с Англией, основная задача Вольтата заключалась в том, чтобы выяснить позицию Англии в случае возникновения германо-польской войны. Результаты переговоров Г. Вольтата с Х. Вильсоном и Р. Хадсоном были восприняты в Берлине как свидетельство сла-

¹⁶⁹ Документы и материалы кануна второй мировой войны, т. 2. Архив Дирксена. М., 1948, стр. 71—77; 215—217; DGFP, vol. 6, № 716, p. 981—983.

¹⁷⁰ DGFP, vol. 6, № 716, p. 983.

¹⁷¹ Документы и материалы кануна второй мировой войны, т. 2, стр. 101.

бости Англии, Риббентроп, например, пришел к выводу, что «в случае германо-польской войны Англия не выступит на стороне Польши»¹⁷².

14 августа Гитлер провел в Оберзальцберге совещание руководителей германских сухопутных сил. В своем выступлении он подчеркнул: «Все говорит за то, что Англия и Франция не вступят в войну, если ничто не вынудит их к этому. Договоры еще не ратифицированы. Формулировка «поддержать всеми силами» неискренняя, а следовательно фальшивая. Доказательство: Англия не дает Польше денег, на которые та могла бы закупить вооружение у других стран. Политики начинают отступать, прикрываясь отчетом Айронсайда»¹⁷³. Гальдер записал в своем дневнике: «Англичанам дано понять, что фюрер после разрешения неизбывного для Германии польского вопроса еще раз обратился к Англии с предложениями. В Лондоне поняли. Париж также знает о нашей решимости. Поэтому весь большой спектакль приближается к концу»¹⁷⁴.

19 июля состоялось заседание комитета внешней политики английского правительства, на котором, наряду с обсуждением начавшихся в Лондоне переговоров с Вольтатом, рассматривался также вопрос об англо-франко-советских переговорах. Министр внутренних дел С. Хор сказал в своем выступлении, что следовало бы прекратить переговоры с СССР, но это может произвести плохое впечатление на Турцию. Премьер-министр Чемберлен заметил, что надо бы обратиться в Москву с таким предложением, которое произвело бы хорошее впечатление на Турцию. Галифакс сообщил, что правительство Франции уведомило Москву о положительном отношении к советскому предложению начать военные переговоры. После подробного обсуждения этого вопроса комитет решил не начинать военных переговоров с СССР до заключения политического соглашения между Англией, Францией и СССР¹⁷⁵.

Вопрос о переговорах с СССР подробно обсуждался в Форин Оффис. Заведующий департаментом Центральной Европы У. Стрэнг, только что вернувшийся из Москвы, представил записку, в которой высказался за продолжение переговоров с СССР, отметив, что срыв переговоров может иметь отрицательные последствия. «Он побудит немцев действовать. Он может вынудить Советский Союз стать на путь изоляции или компромисса с Германией. С другой стороны, военные переговоры, хотя и не дающие немедленных конкретных результатов, будут, вероятно, все же беспокоить Гитлера. Будет также менее вероятным, что Россия останется нейтральной»¹⁷⁶. Таким образом, Стрэнг рекомендовал лорду Галифаксу продолжать двойную игру.

---

¹⁷² Документы и материалы кануна второй мировой войны, т. 2, стр. 226.

¹⁷³ Ф. Гальдер. Военный дневник, т. 1, стр. 39.

¹⁷⁴ Там же, стр. 37.

¹⁷⁵ PRO, Cab. 27/624, p. 294—297.

¹⁷⁶ DBFP, vol. 6, p. 423—426.

Неопределенный исход переговоров с Вольтатом и особенно его уклончивый ответ относительно даты англо-германских переговоров встревожил руководителей внешней политики Англии, было очевидно, что гитлеровцы уклоняются от переговоров с Англией, по крайней мере, до завершения польской кампании. Между тем само правительство Англии стремилось вступить в переговоры с Германией до германо-польской войны.

В этих условиях правительство Чемберлена решило использовать для нажима на германского противника целый арсенал средств, прежде всего военные переговоры с СССР. 25 июля лорд Галифакс сообщил советскому послу И. М. Майскому, что британское правительство решило принять советское предложение начать в ближайшее время военные переговоры. Английская военная миссия выедет в Москву примерно через 7—10 дней. На следующий день МИД Франции сообщило советскому послу, что французская военная делегация выедет в Москву «в ближайшие дни»¹⁷⁷.

Вопрос о военных переговорах с СССР неоднократно обсуждался в комитете внешней политики и в кабинете. В директивах английской военной делегации указывалось, что она должна «вести переговоры очень медленно» и не принимать на себя никаких конкретных обязательств. «Если русские предложат, чтобы английское и французское правительства обратились к Польше, Румынии или Прибалтийским государствам с предложениями, влекущими за собой сотрудничество с Советским правительством или генеральным штабом,— говорилось в директиве,— делегация не должна брать на себя каких-либо обязательств, а обращаться в Лондон»¹⁷⁸. На заседании комитета внешней политики было решено направить английскую военную делегацию в СССР морем, на торгово-пассажирском судне¹⁷⁹.

В конце июля — начале августа в Лондоне вновь стали опасаться совместного наступления держав оси на юго-восток. На заседании комитета внешней политики британского кабинета 1 августа заведующий департаментом Юго-Восточной Европы МИД Англии Ингрэм сообщил, что Турция боится продвижения держав оси к Салоникам и проливам. Итальянцы могут предпринять наступление из Албании через Югославию и северную Грецию, а немцы — через Югославию, Румынию и Болгарию.

23 июля турецкое правительство обратилось в Лондон и Париж с предложением ускорить заключение договора о взаимопомощи между Англией, Францией и Турцией, при этом оно выдвинуло свой проект договора, который вызвал возражения со стороны западных держав. Их не устраивало, во-первых, то, что турки стремились заполучить себе право решать вопрос, имеет ли место акт агрессии, требующий вмешательства западных держав; во-вторых,

---

¹⁷⁷ СССР в борьбе за мир..., № 384, стр. 515, 697—698.

¹⁷⁸ Там же, стр. 698.

¹⁷⁹ PRO, Cab. 27/624, p. 333—334.

в качестве одного из условий перехода Турции на сторону англо-французского блока турецкое правительство требовало передать ему в кредит оружия и военных материалов на сумму 45 млн. ф. ст., кроме того, предоставить Турции «золотой заем», т. е. передать ей золота на сумму 15 млн. ф. ст. Но самое главное разногласие заключалось в том, что турки слишком спешили с заключением договора. В Лондоне все еще надеялись на заключение компромиссного соглашения с Германией, правительство Чемберлена стремилось использовать переговоры о заключении договора о взаимопомощи с Турцией в качестве одного из средств нажима на Германию. По предложению Галифакса комитет одобрил проект договора о взаимопомощи с Турцией, основанный на взаимности, в нем, в частности, предусматривалось, что проливы будут открыты для флота западных держав. В проекте предусматривалась также возможность совместных действий Англии, Франции и Турции против Советского Союза¹⁸⁰.

Одновременно с этим англичане и турки решили притянуть гитлеровцев возможностью заключения договора о взаимопомощи между Турцией и СССР. Турецкий министр иностранных дел Сараджоглу сообщил 7 августа английскому послу в Анкаре Нэтчбулл-Хьюджессену, что во время пребывания в Анкаре в начале мая заместитель народного комиссара иностранных дел СССР В. П. Потемкин предложил турецкому правительству обсудить три варианта сотрудничества СССР и Турции в борьбе против агрессоров: 1. Соглашение между Великобританией, Францией, СССР и Турцией; 2. Соглашение между СССР, Турцией и другими странами Балканской Антанты; 3. Если первый и второй варианты потерпят неудачу, то следует заключить соглашение непосредственно между Турцией и СССР. 11 августа Сараджоглу сообщил Нэтчбулл-Хьюджессену, что правительство Турции решило послать его в Москву для изучения возможности заключения между Турцией и СССР двустороннего соглашения¹⁸¹. Через пять дней Сараджоглу заявил послу Италии в Анкаре Де Пеппо, что турецкое правительство склонно подписать пакт о взаимопомощи с Англией и Францией. Проект такого договора и изучается в Лондоне, но пока трудно сказать, когда он будет подписан. Сараджоглу дал понять итальянскому послу, что имеется непосредственная связь между подготовкой к заключению англо-франко-турецкого пакта и англо-франко-советскими переговорами в Москве. Сараджоглу долго рассуждал о «сердечных отношениях между Турцией и СССР»¹⁸².

В конце июля — начале августа румынский король Кароль совершил поездку на своей яхте вначале в Стамбул, где встретился с турецким президентом И. Иненю, а затем на Крит, где на его

¹⁸⁰ PRO, Cab. 27/624, p. 311—313, 323—327.

¹⁸¹ DBFP, vol. 6, № 579, p. 623; № 620, p. 661.

¹⁸² DDI, vol. 13, № 66.

яхте побывали греческий король Георг и командующий английским флотом в восточной части Средиземного моря адмирал Э. Каннингхэм. Болгарский посланник в Афинах охарактеризовал это событие как «демонстрацию солидарности между владычицей морей и двумя странами, получившими английские гарантии»¹⁸³.

11 августа, на обратном пути в Румынию, король Кароль вновь сделал остановку в Стамбуле. Иненю сообщил ему о предстоящей поездке Сараджоглу в Москву и рекомендовал последовать их примеру. Кароль заявил в ответ, что если даже СССР пожелает помочь Румынии, то он не допустит советские войска на территории Румынии¹⁸⁴.

В начале августа лорд Галифакс предложил румынскому посланнику в Лондоне Тиле предпринять еще одну попытку вовлечь Болгарию в Балканскую Антанту, для чего он посоветовал найти какое-то взаимоприемлемое соглашение по добруджанскому вопросу. По совету Англии турецкое правительство согласилось выступить посредником между Болгарией и Румынией, но румынское правительство отказалось обсуждать добруджанский вопрос¹⁸⁵.

Поскольку Болгария и Венгрия не соглашались на сотрудничество со странами Балканской Антанты без решения территориальных вопросов, на них в середине августа был оказан военный нажим. Под видом подготовки к маневрам в Восточной Фракии из Анатолии к болгарской границе началась переброска турецких войск. Болгарские военные атташе в Берлине и Риме обратили внимание на возможность совместных турецко-румыно-греческих военных действий против Болгарии. В середине августа состоялась серия встреч румынских, греческих и турецких дипломатов. Итальянский посол в Турции сообщил в Рим 16 августа, что с помощью военных мер и дипломатических переговоров страны Балканской Антанты пытаются запугать Болгарию¹⁸⁶. В это же время произошел ряд инцидентов на румыно-венгерской границе¹⁸⁷.

Болгарское правительство несколько раз обращалось в Берлин с просьбой ускорить отправку оружия в Болгарию; 14 августа оно обратилось к германскому военному атташе в Софии с запросом, может ли Германия оказать Болгарии военную помощь, в том числе своими войсками? Но до завершения военных операций в Польше Германия не могла пойти на распространение войны на Балканы, к тому же итальянский союзник и хортистская Венгрия заняли

---

¹⁸³ ЦДИА, ф. 176, оп. 7, д. 1097, л. 5—7; ф. 370, оп. 1, д. 695, л. 32.

¹⁸⁴ Б. М. Колкер, И. Э. Левит. Внешняя политика Румынии и румыно-советские отношения. М., 1971, стр. 15.

¹⁸⁵ The Eve of War, p. 129.

¹⁸⁶ DDI, vol. 13, № 65.

¹⁸⁷ Ibid. № 12, 13.

к этому времени сомнительную позицию. Поэтому гитлеровцы отказали в помощи Болгарии¹⁸⁸.

В этих условиях болгарское правительство вынуждено было стать на путь сближения с СССР. Еще 24 июня 1939 г. газета «Утро» опубликовала интервью заместителя председателя болгарского парламента Г. Маркова, в котором сообщалось, что скоро он с группой депутатов парламента отправится в Советский Союз. Следует отметить, что это интервью появилось на следующий день после заключения франко-турецкой декларации. С середины июля позиция болгарского правительства по отношению к СССР заметно изменилась, в болгарских газетах появились статьи, посвященные пятилетию со дня установления между Болгарией и СССР дипломатических отношений, в газетах «Заря» и «Днес» подчеркивалась необходимость развития с СССР тесных политических и экономических отношений. В августе группа депутатов болгарского парламента во главе с Г. Марковым совершила двухнедельную поездку в СССР, где встретила теплый прием. В середине августа в Москву прибыл представитель габровских текстильных предприятий для переговоров о сбыте текстильных товаров в СССР¹⁸⁹. Изменение позиции Болгарии по отношению к СССР было связано с усилением опасности превращения Болгарии в арену борьбы между державами «оси Берлин—Рим» и англо-французским блоком.

В сложной и опасной международной обстановке с 11 по 21 августа в Москве состоялись англо-франко-советские военные переговоры¹⁹⁰. Глава советской военной миссии маршал К. Е. Ворошилов обратился к руководителям военных миссий Англии и Франции с вопросом: «Как данные миссии или генеральные штабы Франции и Англии представляют себе участие Советского Союза в войне против агрессора, если он нападет на Францию и Англию, или если агрессор нападет на Польшу или Румынию, или на Польшу и Румынию вместе, а также если агрессор нападет на Турцию»¹⁹¹. Поскольку французская и английская военные миссии пытались уклониться от ответа на поставленный вопрос, маршал К. Е. Ворошилов заявил: «Советский Союз, как известно, не имеет общей границы ни с Англией, ни с Францией. Поэтому наше участие в войне возможно только на территории соседних с ними государств, в частности Польши и Румынии»¹⁹². К. Е. Ворошилов предупредил, что решение вопроса о пропуске советских войск через польскую и румынскую территории является непременным условием для успешного завершения переговоров и заключения догово-

¹⁸⁸ DGFP, vol. 7, № 1, p. 1; № 11, p. 10, № 12, p. 11; № 33, p. 31; № 60, p. 66, № 78, p. 86; № 168, p. 177.

¹⁸⁹ ЦДИА, ф. 176, оп. 7, д. 1101, л. 1—3.

¹⁹⁰ Англо-франко-советские военные переговоры подробно освещены в советской исторической литературе, поэтому остановимся лишь на тех вопросах, которые имеют непосредственное отношение к данной статье.

¹⁹¹ СССР в борьбе за мир..., стр. 560—561.

¹⁹² Там же.

ра между тремя государствами. «Если этот вопрос не получит положительного разрешения,— сказал он,— то я сомневаюсь вообще в целесообразности наших переговоров»¹⁹³.

До получения из Лондона и Парижа ответов на поставленный вопрос было решено заслушать сообщения военных делегаций о возможных совместных военных действиях вооруженных сил Англии, Франции и СССР против агрессоров в Европе. В отличие от советской военной миссии, изложившей три варианта совместных действий вооруженных сил Англии, Франции и СССР, английская и французская военные миссии не имели даже предварительного плана совместных операций против общего врага¹⁹⁴.

После того как были заслушаны сообщения о предполагаемых действиях против агрессора, маршал К. Е. Ворошилов заявил 17 августа военным миссиям Англии и Франции, что дальнейший ход переговоров целиком зависит от получения ответов о пропуске советских войск через польскую и румынскую территории. С общего согласия было решено созвать следующее заседание 21 августа, но и к этому времени положительного ответа на запрос советской военной миссии не было получено. Англо-франко-советские военные переговоры зашли в тупик¹⁹⁵.

Насколько вероломной была политика правительств западных держав, свидетельствует тот факт, что в период англо-франко-советских военных переговоров правительство Чемберлена упорно продолжало добиваться сговора с Гитлером. 14 августа состоялась беседа специалиста по вопросам внешней политики лейбористской партии Ч. Р. Бакстона с чиновником специального бюро министра иностранных дел Германии Хетцлером об урегулировании спорных вопросов между Германией и Англией, основные идеи этого плана совпадали с тем, что Х. Вильсон предлагал Вольфату¹⁹⁶. 16 августа в Берлине состоялась встреча сотрудника министерства авиации Англии барона де Роппа с руководителем внешнеполитической службы нацистской партии Германии Розенбергом. Де Ропп сказал, что в случае германо-польского военного конфликта выступление Франции и Англии последует автоматически, но Англия и Германия не должны допускать превращения этого конфликта во взаимное уничтожение. Он дал понять, что несмотря на вступление в войну, Англия не будет мешать Германии делать свое дело в Польше, имея в виду, что, укрепившись на Востоке, Германия не выступит затем против Британской империи¹⁹⁷.

22 августа Чемберлен направил Гитлеру послание, в котором призывал «восстановить доверие», предлагая обсудить вопросы, представляющие взаимный интерес для Англии и Германии, а так-

---

¹⁹³ Там же, стр. 586.

¹⁹⁴ История второй мировой войны, т. 2, стр. 145—146.

¹⁹⁵ СССР в борьбе за мир..., стр. 613—615, 624—627.

¹⁹⁶ Там же, стр. 584—586.

¹⁹⁷ Там же, стр. 586—588.

же более широкие проблемы, затрагивающие будущее международных отношений¹⁹⁸.

После того, как Советское правительство окончательно убедилось в том, что правительства Англии и Франции стремятся поставить СССР под удар фашистских агрессоров, оно вынуждено было принять меры к тому, чтобы обеспечить безопасность своей страны другим путем. С мая по август правительство Германии неоднократно обращалось в Москву с предложением заключить между Германией и СССР пакт о ненападении, но Советское правительство отклоняло эти предложения. Положение изменилось к началу третьей декады августа. После того, как выяснилось, что западные державы не хотят совместно с СССР дать отпор фашистской агрессии, Советское правительство согласилось заключить с Германией пакт о ненападении. Заключение этого договора обеспечило Советскому Союзу мир на 22 месяца.

III

Заключив пакт о ненападении с Германией, Советское правительство сорвало замыслы мюнхенцев, рассчитывавших разрешить свои противоречия с державами «оси Берлин — Рим» и Японией за счет СССР и соседних с ним стран. В конце августа противоречия между Германией, возглавлявшей блок фашистских агрессоров, и англо-французским блоком углубились. Вместе с тем в лагере фашистских агрессоров начался разброд: заключение пакта о ненападении между СССР и Германией произвело в Токио ошеломляющее впечатление и вызвало замешательство в Риме. Правительство Хитлера, рьяно выступавшее за совместную японо-германскую войну против СССР, заявило Германии протест против нарушения «антикоммунистического пакта», а затем подало в отставку. В конце августа Муссолини переходил от одной крайности к другой. 23 августа он решил послать Чиано в Германию для того, чтобы выяснить ситуацию, а заодно и высказать недовольство действиями Гитлера, игнорирующими интересы итальянского союзника. Между собой Муссолини и Чиано уже начали обсуждать «хорватскую проблему» и план создания «Великой Албании»¹⁹⁹. С 23 по 25 августа, когда со дня на день ожидалось германское нападение на Польшу, Муссолини решил идти «плечом к плечу» с Гитлером и распорядился подготовить приказ о всеобщей мобилизации²⁰⁰, однако это распоряжение пришлось отменить. 25 августа стали поступать сведения о «жесткой позиции» Англии и Франции: правительство Чемберлена заключило договор о взаимопомощи с Польшей, с утра 25 августа началось передвижение французских войск к германской границе, поползли слухи о том, что

¹⁹⁸ DGFP, vol. 7, № 226, p. 241—243.

¹⁹⁹ *Ibidem*.

²⁰⁰ Г. С. Филатов. Крах итальянского фашизма, стр. 121.

французская армия готовится перейти в наступление 26—28 августа²⁰¹.

25 августа на совещании руководителей вермахта было решено приостановить подготовку к нападению на Польшу и усилить немецкие войска на западной границе. Вечером 25 августа Гитлер вручил английскому послу Гендерсону свое послание Чемберлену, в котором выражал готовность заключить соглашение с Англией и гарантировать целостность Британской империи при том условии, если западные державы согласятся удовлетворить германские колониальные требования и будут уважать права «Великой Германии» в Европе²⁰². Фактически Гитлер стремился выиграть время и предотвратить вмешательство Англии и Франции в германо-польский вооруженный конфликт.

26 августа лорд Галифакс направил через шведа Далеруса личное письмо Герингу, в котором писал: «Мы будем стремиться сохранить тот самый дух, который проявил фюрер, а именно: желание найти удовлетворительное решение вопросов, вызывающих в настоящее время беспокойство»²⁰³. Личный представитель Риббентропа в Лондоне Фриц Хессе сообщил 26 августа своему шефу в Берлин: «Из имеющейся у меня информации следует, что в случае нападения Германии на Польшу нет никакой надобности опасаться английского вмешательства. Сэр Сэмюэль Хор придерживается такого мнения, что если Польша подвергнется нападению, Англия всегда может выполнить букву закона об объявлении войны, фактически не вступая в вооруженную борьбу»²⁰⁴. Это сообщение полностью совпадало с тем, что говорил 16 августа барон де Ропп Розенбергу, только на этот раз информация о позиции британского правительства исходила из самых высших сфер — сэр С. Хор являлся членом британского кабинета и входил в состав комитета внешней политики. Английские мюнхенцы согласились предоставить гитлеровцам свободу рук в Польше в расчете на то, что после оккупации польской территории немецко-фашистские войска с хода развернут наступление против Советского Союза, со своей стороны правительство Чемберлена готовилось принять участие в походе на СССР.

Выступая на заседании комитета внешней политики 25 августа 1939 г. лорд Галифакс высказался за заключение пакта о взаимопомощи с Польшей, при этом он указал, что раньше под агрессором подразумевалась Германия, теперь обстоятельства изменились: «Мы должны предоставить гарантии Польше против агрессии со стороны России». Галифакс указал, что это дополнение распространяется и на Румынию. Он сообщил, что правительство Польши согласилось защищать Румынию в соответствии с польско-

---

²⁰¹ DDI, vol. 13, № 476.

²⁰² DBFP, vol. 7, p. 227—229.

²⁰³ *Ibid.*, p. 283.

²⁰⁴ Л. Мосли. Утраченное время. Как начиналась вторая мировая война. М., 1972, стр. 329.

румынским союзом, но сделало в особом секретном протоколе оговорку, что это обязательство не распространяется на тот случай, если возникнет война между Румынией и Венгрией. Польско-румынский союз действителен только в случае нападения со стороны Советской России, если Англия окажется в войне с Германией в связи с гарантией, предоставленной Румынии, то Польша будет на стороне Англии, но не обязана помогать Румынии²⁰⁵.

Серьезную опасность для Советского Союза и Балканских стран представлял англо-французский план «удара по источникам снабжения Германии стратегическим сырьем из Балканских стран и Советского Союза». В своих инструкциях английскому послу в Турции лорд Галифакс отметил, что Германия имеет весьма ограниченные запасы нефти, меди и других видов стратегического сырья, которых хватит лишь на пять месяцев войны. Если даже Германия овладеет галицийской и румынской нефтью, то и этого будет недостаточно для продолжения кампании в 1940 г. Германия может получить нефть из Советского Союза, но узким местом для снабжения Германии советской нефтью является транспорт. Если прервать советские коммуникации в Черном море, то транспортные затруднения еще более возрастут. Турция не могла опасаться недовольства СССР, что она вступила в военное сотрудничество с западными странами, так как в случае конфликта с СССР она может опереться на поддержку своих западных союзников²⁰⁶. Суть этого плана сводилась к тому, чтобы под видом удара по источникам снабжения Германии стратегическим сырьем перенести войну на территорию СССР.

22 августа правительство Франции назначило генерала М. Вейгана командующим французскими вооруженными силами на Ближнем Востоке. Это назначение не являлось случайным, во время третьего похода Антанты генерал Вейган возглавлял французскую военную миссию в Польше, затем в середине 20-х гг. он являлся верховным комиссаром Франции в Сирии и Ливане, кроме того, он являлся вице-председателем правления Суэцкого канала. 28 августа Вейган отбыл к месту своего назначения — в Бейрут. Согласно данной ему инструкции, он должен был организовать, снарядить и как можно лучше обучить предоставленную в его распоряжение армию и вместе с англичанами и турками подготовиться к возможным военным действиям. Генералу Вейгану было поручено также непосредственное руководство французскими военными атташе в Турции, Греции, Югославии и Румынии и установление тесного контакта с командующими британскими силами на Ближнем Востоке.

В августе английское правительство назначило командующим британскими сухопутными силами на Ближнем Востоке генерала

---

²⁰⁵ PRO, Cab. 27/624, p. 337—342.

²⁰⁶ DBFP, vol. 7, № 340, p. 274—275.

Уэйвелла, его ценили в Лондоне не только как знатока Ближнего и Среднего Востока, но и как опытного специалиста «по русским делам». Во время первой мировой войны Уэйвелл являлся начальником штаба ближневосточной армии фельдмаршала Алленби, затем входил в состав английской военной миссии, руководившей интервенцией в Закавказье. В 1936—1939 гг. генерал Уэйвелл возглавлял карательные операции британских войск против арабов Палестины, боровшихся с английскими колонизаторами.

4 сентября 1939 г. начальником генерального штаба Великобритании был назначен генерал Айронсайд, которого английский официальный историк Дж. Батлер характеризует как весьма посредственного военного деятеля, но крупного специалиста по «русским» и колониальным делам. Первой заботой нового руководителя британских вооруженных сил явилось создание крупного стратегического резерва на Ближнем Востоке в составе 12 дивизий из английских, индийских, австралийских, новозеландских и южноафриканских частей. Кроме того, он намечал снабдить оружием 10 дивизий стран Балканской Антанты²⁰⁷.

В конце августа — начале сентября из Бухареста, Парижа и других столиц западных стран поползли слухи о том, что с ведома Германии Советский Союз вскоре введет свои войска в Бессарабию²⁰⁸. Румынский посланник в Риме обратился в МИД Италии с запросом, может ли Румыния рассчитывать на помощь Италии в случае нарушения мира на Балканах²⁰⁹.

В это же время английская и французская дипломатия стремилась завершить подготовку к заключению пакта о взаимопомощи с Турцией. 1 сентября представители Англии, Франции и Турции договорились о заключении пакта о взаимопомощи между тремя державами. Турецкие газеты писали по этому случаю, что Анкара осталась верной своим обязательствам перед Лондоном и Парижем, три державы должны вместе с Балканской Антантой реагировать на любое изменение статус-кво на Балканах, вызванное советско-германским пактом²¹⁰. Однако после заключения советско-германского пакта о ненападении правительство Турции было вынуждено проявлять осторожность, так были отброшены на время планы нападения на Болгарию²¹¹. К тому же оно стало опасаться, как бы западные страны не заключили сделку с Италией за счет стран Балканской Антанты.

Заключение советско-германского пакта о ненападении привело к некоторому ослаблению нажима держав оси на Балканские страны. В своем сообщении в Софию болгарский посланник в Москве отметил, что Германия и Италия «будут вынуждены вре-

---

²⁰⁷ The Ironside Diaries 1937—1940. Ld., 1963, p. 103.

²⁰⁸ DDI, vol. 13, № 540, № 597.

²⁰⁹ Ibid., № 490.

²¹⁰ Ibid., № 479.

²¹¹ Ibid., № 555.

менно отказаться от продвижения к Царьграду и проливам..., а следовательно ослабят свой натиск на Болгарию»²¹².

Гитлеровская дипломатия дала понять правительствам Болгарии и стран Балканской Антанты, что Германия рассматривает Балканы в качестве своей сферы влияния. На вопрос румынского министра иностранных дел Гафенку, обсуждал ли Риббентроп в Москве бессарабский вопрос, германский посланник Фабрициус ответил, что после заключения германо-румынского экономического соглашения Германия не заинтересована в изменении границ Румынии в пользу ее восточного соседа. Из предыдущих переговоров министру должно быть известно, что Германия проявляет интерес к дельте Дуная. Не следует также забывать о том, что в Бессарабии проживают многочисленные фольксдойче, которых Германия не собирается передавать большевикам. Со своей стороны Гафенку заверил гитлеровского посланника в том, что в случае возникновения германо-польского вооруженного конфликта Румыния займет позицию нейтралитета и будет продолжать снабжать Германию нефтью²¹³. Таким образом, правительство Румынии готово было предать своего польского союзника.

В угоду своим классовым интересам и под воздействием англо-французских гарантов правительства Польши и Румынии проводили в период предвоенного политического кризиса в Европе антисоветский внешнеполитический курс. В своих показаниях на Нюрнбергском процессе один из главных немецких военных преступников Франц фон Папен заявил, что «если бы Англия, вместо заключения пакта с Польшей, заключила пакт с Россией, гарантировавший совместно Россией и Англией Польское государство, тогда бы, конечно, войны не было». «Я не могу себе представить,— добавил он,— чтобы в таких обстоятельствах Гитлер решился бы начать войну»²¹⁴. Попытка английских и французских мюнхенцев разрешить противоречия между англо-французским блоком и державами «оси Берлин — Рим» за счет СССР провалилась, вторая мировая война началась между двумя империалистическими группировками.

²¹² ЦДИА, ф. 176, оп. 7, д. 1109, л. 24—25.

²¹³ DGFP, vol. 7, № 361, p. 363—365.

²¹⁴ ЦГАОР, ф. 7445, оп. 2, д. 28, л. 240.